

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ

*Сборник статей по материалам
XLVIII международной научно-практической конференции*

№ 4 (45)
Апрель 2015 г.

Издается с марта 2011 года

Новосибирск
2015

УДК 3
ББК 6/8
А 43

Ответственный редактор: Гулин А.И.

Председатель редакционной коллегии:

Карпенко Виталий Евгеньевич — канд. филос. наук, доц. кафедры философии и социологии, редактор переводческой компании ООО «Аспект-Украина».

Редакционная коллегия:

Барштейн Виктор Юрьевич — д-р. философии по искусствоведению, рецензент НП "СибАК", Украина.

Гужавина Татьяна Анатольевна — канд. филос. наук, доц. кафедры социологии и социальных технологий «Череповецкий государственный университет»;

Карпенко Татьяна Михайловна — канд. филос. наук, рецензент НП "СибАК".

Купченко Константин Владимирович — канд. ист. наук, доц. кафедры естественно-научных и гуманитарных дисциплин Смоленского филиала ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»;

Прошин Денис Владимирович — канд. ист. наук, доц. кафедры политологии и социально-гуманитарных наук Днепропетровского университета им. Альфреда Нобеля;

Соловенко Игорь Сергеевич — канд. ист. наук, доц. кафедры ЭиАСУ Юргинского технологического института (филиала) Томского политехнического университета;

Сорокин Александр Николаевич — канд. ист. наук, доц., ст. науч. сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета, доц. кафедры социологии, психологии и права Национального исследовательского Томского политехнического университета;

Шаяхметова Венера Рюзальевна — канд. ист. наук, доц. кафедры общей отечественной истории Пермского государственного национально-исследовательского университета (ПГНИУ), доц. кафедры философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарного педагогического университета (ПГГПУ).

А 43 Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история / Сб. ст. по материалам XLVIII междунар. науч.-практ. конф. № 4 (45). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2015. 84 с.

Учредитель: НП «СибАК»

Сборник статей «Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление	
Секция 1. Политология	5
1.1. История и теория политики	5
ФУНКЦИИ ЭТНИЧНОСТИ	5
Рыбаков Андрей Вячеславович	
1.2. Политика в России	9
ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ	9
ЛОББИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ	
Китновская Ольга Валерьевна	
1.3. Социология и психология политики	14
БАЗИСНАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ	14
СОЦИАЛИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ	
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	
Красавина Зоя Александровна	
Секция 2. Социология	20
2.1. Социология организации	20
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСЛАМА В КАЧЕСТВЕ	20
ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ	
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
Жаворонкова Татьяна Вячеславовна	
Секция 3. Философия	31
3.1. Социальная философия	31
СОЗДАНИЕ ИНКЛЮЗИВНОГО РЫНКА ТРУДА	31
В НОРВЕГИИ	
Боровикова Ирина Вячеславовна	
КУЛЬТУРА ДОСУГА — НЕОБХОДИМЫЙ	36
ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО	
ОБРАЗА ЖИЗНИ	
Кутузовская Анна Сергеевна	
СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: СИМВОЛ	45
И ДЕЙСТВИЕ	
Потапова Ксения Игоревна	

3.2. История философии	49
ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ДЭВИДА ЮМА Зеленский Олег Александрович	49
Секция 4. История	55
4.1. История России	55
СЕЛЬСОВЕТЫ ЯКУТИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (В КОНТЕКСТЕ ЧАСТНОЙ ПАМЯТИ) Винокуров Александр Данилович	55
РОССИЯ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ Мельникова Лариса Александровна	60
ВЗГЛЯДЫ Н.А. СБОРОВСКОГО КАК ПРИМЕР НАЦИОНАЛ-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ТРАКТОВКИ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ СОВЕТСКИМ УЧЁНЫМ Талапин Анатолий Николаевич	66
ПРОТЕСТАНТИЗМ В РОССИИ. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ «ВИЗАНТИЗМА» И «ЕВАНГЕЛИЗМА» Татыева Елена Валентиновна	71
4.2. Этнология	77
КРЕЩЕНИЕ КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ ОБРЯДОВ РОДИЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ УКРАИНСКОГО И ВОСТОЧНО-РОМАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БУКОВИНЫ Парайко Кристина Васильевна	77

СЕКЦИЯ 1.

ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

ФУНКЦИИ ЭТНИЧНОСТИ

Рыбаков Андрей Вячеславович

*д-р политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии
Московского авиационного института
(Национального технического университета),
РФ, г. Москва
E-mail: rybackov@rambler.ru*

FUNCTION OF ETHNICITY

Andrei Rybakov

*doctor of Political Sciences, Professor Head of the department of political
science at the Moscow Aviation Institute (National Technical University),
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

Этнический фактор в современных условиях выступает детерминантой многих процессов, как на групповом, так и индивидуальном уровнях, создает ситуацию многовекторности общественного развития в зависимости от того какие функции этничности актуализируются. В связи с этим в статье рассматриваются некоторые подходы к определению функциональных характеристик этничности.

ABSTRACT

The ethnic factor in modern conditions as determinants of many processes, both at the group and individual levels, creates a situation of multi-vector of social development, depending on what features ethnicity

updated. In this regard, the article discusses some approaches to defining the functional characteristics of ethnicity.

Ключевые слова: этничность; функции этничности; ценность.

Keywords: ethnicity; ethnicity function; values.

В самом общем смысле этничность может быть определена как такая характеристика личности, которая объективно и субъективно фиксирует ее месторасположение в социальном пространстве, то есть принадлежность к тому или иному этнонациональному сообществу. С одной стороны, этничность — объективно заданная характеристика культурно-генетической принадлежности личности. С другой стороны, она отражает степень готовности личности идентифицировать себя с группой своей принадлежности. В этом аспекте понятие «этничность» становится тождественным понятию «этническая идентичность» и означает осознание и восприятие себя как члена той или иной группы, проявляющееся в чувстве общности и восприятии как ценностей основных ее характеристик.

Ответ на вопрос о функциях этничности — это ответ на вопрос о том, из каких потребностей и сторон жизнедеятельности людей она возникает [1, с. 42]. Наиболее интересная, на наш взгляд, попытка решить эту проблему предложена С.В. Соколовским [3, с. 9—12]. Анализ современных концепций позволил автору выделить три группы трактовок значимости этничности.

С позиций структурно-функционального подхода роль этничности описывается в категориях пользы, которую она приносит для личности. Этничность в данном случае выступает как утилитарная ценность, ее назначение — сделать окружающий мир более комфортным и безопасным путем приобщения к «своим». Поэтому эта группа функций удачно, на наш взгляд, названа С.В. Соколовским — «этничность как дом». Говоря об этничности как утилитарной ценности, автор обращает внимание на трактовку ее роли как средства преодоления характерной для современного общества проблемы отчуждения, а также как способ упрощения взаимодействия путем разделения социального мира на «своих» и «чужих», восприятие которых стереотипизированно в культуре «своих».

К утилитарным функциям мы бы отнесли и роль этничности как того убежища, в котором личность пытается спастись в условиях социальной фрустрации, рассчитывая (часто, не без оснований) на помощь и поддержку «своих».

Для второй группы выделенных С.В. Соколовским функций, названных автором *«этничность как язык»*, характерна ее трактовка как особой формы дискурса. С одной стороны, это — часть повседневной речевой практики, способ говорить о «нас» и «них», с другой — это способ концептуализации социального мира и конструирования этнического пространства, сфера профессионального сознания. И в том, и в другом случае, этничность выступает как *мировоззренческая, когнитивная ценность*, поскольку позволяет сформировать взгляд на мир, осознать его структурное разнообразие.

И, наконец, в третью группу С.В. Соколовским объединены интерпретации исследуемого феномена, которые позволяют говорить об *«этничности как вызове»*. Сюда включены те профессиональные взгляды, которые акцентируют свое внимание на уникальности и бесценности каждой из культур, необходимости сохранения многообразия этнического мира как условия выживания человечества. Эта аргументация позволяет представить этничность как *гуманитарную ценность*.

На уровне обыденного сознания, в среде самих этнических сообществ, особенно тех, существование которых находится под угрозой, этничность приобретает наиболее выраженный характер и превращается в *экзистенциальную ценность*. Именно это и позволяет легко привлекать такие группы в этномобилизационные процессы.

Проведенный С.В. Соколовским анализ этничности с позиций сложившихся в современной науке подходов открывает, на наш взгляд, возможность выделения ее *утилитарных, мировоззренческих и гуманитарных функций*. Именно эти функции позволяют рассматривать этничность как инструмент в решении личностных и социальных проблем, превращают ее в важный фактор развития современного мира, дают возможность ее использования во благо или зло.

Несколько иной принцип выделения функций этничности предлагает С.В. Сикевич [1, с. 20—21; 2, с. 4—5]. Ею выделяются три основные, органически присущие этничности функции, а именно: регулятивная, информационная и психологическая (или защитная), и две, носящие ситуативный характер. К последним автором отнесены *инструментальная* (или *мобилизационная*) и *мотивационная функции этничности*. В определенных обстоятельствах, особенно в условиях социального кризиса, межгруппового конфликта и т. д. этничность становится эффективным инструментом для достижения определенных экономических, политических и других целей. И этот инструмент, умело используется элитой, нередко оказывается более действенным,

чем классовые или политические группировки. Сама же акцентированная этничность выступает как критерий оценки социальных, в том числе и политических, изменений. В этом заключается мотивационная функция этничности.

В работах других авторов называются и другие функции этничности. Действительно, их перечень можно было бы продолжить. Вместе с тем, мы считаем возможным пойти другим путем, выделив основные, взаимосвязанные между собой *группы функций*, отражающих сущностные особенности данного феномена. По нашему мнению, основное назначение этничности сводится к выполнению ею 2-х основных групп функций.

Первая из них — *это самоопределение личностью своего места в социуме*. Потребность в принадлежности, согласно теории А. Маслоу, относится к фундаментальным социальным потребностям личности, а Э. Эриксон отводит ей важнейшую роль в своей концепции развития личности, считая, что уже изначально личность нацелена на поиск путей включения в жизнь общества. Поэтому поиск ответа на вопрос «Кто Я?» соответствует заложенной в самой природе человека потребности в психосоциальной идентичности как важнейшего условия целостности личности. При этом человек вряд ли может обойтись без поиска своих родовых, в том числе этнических, корней. И пока сохраняется распределение народонаселения земли на народы-этноты, остается необходимость поиска и этих своих координат в социальном пространстве.

Из этой потребности вытекает и вторая из основных функций этничности — *интеграция-дезинтеграция*. В данном случае этничность выступает в роли фактора, который позволяет вычленить этнические границы группы, сравнить «нас» с «ними» в оппозиции «мы»-«они».

Все другие весьма разнообразные проявления значимости этничности относятся, на наш взгляд, к области использования данного фактора в удовлетворении потребностей личности и групп, с которыми она себя идентифицирует.

Список литературы:

1. Сикевич С.В. Социология и психология национальных отношений: Учебное пособие. СПб.: Изд-во Михайлова, 1999. — 203 с.
2. Сикевич С.В. О соотношении этнического и социального // Журнал социологии и социальной антропологии. — 1999. — Т. II. — Вып. 2. — С. 35—43/
3. Соколовский С.В. Парадигмы этнологического знания. // Этнологическое обозрение. — 1994. — № 2. — С. 3—17.

1.2. ПОЛИТИКА В РОССИИ

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛОББИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ

Китновская Ольга Валерьевна

*магистр юриспруденции, магистрант кафедры политологии
Алтайского государственного университета,*

РФ, г. Барнаул

E-mail: o.kitnovskaya@gmail.com

FEATURES OF THE REGULATION OF LOBBYING IN CONTEMPORARY RUSSIAN CONDITIONS

Olga Kitnovskaya

*master of laws, postgraduate student of the Department of Political Science
of Altay State University,
Russia, Barnaul*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена особенностям регулирования лоббистской деятельности в Российской Федерации. В ней говорится о проблемах теории лоббизма и подготовке законопроектов в сфере регулирования лоббизма. Рассматриваются основные проблемы и перспективы развития законодательства о лоббизме в России.

ABSTRACT

The article deals with the distinctive features of the regulation of lobbying in the Russian Federation. It focuses on the theoretical problems of lobbyism and preparation of draft laws in the sphere of regulation of lobbying. In the article the peculiarities of legal regulation of lobbying and the main problems and prospects of development of legislation on lobbying in Russia are considered.

Ключевые слова: лоббизм; лоббистская деятельность; законо-
творчество; законопроект; правовое регулирование.

Keywords: lobbying; lobbying; legislation; draft law; legal regulation.

В трансформирующемся российском обществе лоббизм приобретает новые качества, институционализируется и постепенно превращается в легитимный феномен экономической и политической жизни страны. В настоящее время понимание лоббистской деятельности как одного из действенных и эффективных механизмов, с помощью которого граждане отстаивают свои позиции перед органами власти, участвуют в правотворчестве и управлении делами государства, все чаще встречается не только в научной (политической и правовой) литературе, но и в официальном политическом дискурсе. Это обстоятельство позволяет говорить о наметившейся тенденции к отказу от понимания обществом термина «лоббизм» исключительно как синонима коррупции и взяточничества.

Однако становление лоббизма как формального института в России происходит весьма сложно и противоречиво. В связи с этим изучению проблем правового регулирования лоббизма, а также перспектив его развития уделяется значительное внимание отечественными учеными-политологами и юристами.

Работа над первым законопроектом, регулирующим лоббистскую деятельность, началась еще в 1992—1993 годах в Верховном Совете РФ и продолжилась в Государственной Думе Федерального Собрания РФ. Первоначально результат работы рассматривался Государственной Думой в 1995 году, но не был принят в связи с отсутствием кворума. В дальнейшем неоднократно предпринимались попытки регулирования лоббистской деятельности, но они не увенчались успехом [5, с. 45—47].

Однако, даже несмотря на то, что нормативный правовой акт, комплексно регулирующий общественные отношения, складывающиеся в сфере лоббизма, не был принят, в России в настоящее время имеется правовая основа осуществления лоббистской деятельности. В первую очередь, лоббизм имеет конституционные основы регулирования. Хотя ни одна из статей Конституции Российской Федерации непосредственно не формулирует право на занятие лоббистской деятельностью, этот вывод можно сделать исходя из системного толкования положений Основного закона. Так, статья 30 Конституции РФ предусматривает право граждан на объединение для защиты своих интересов, статья 32 — право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей [3]. При этом представительство может носить любой характер, в том числе и функциональное представительство интересов. Кроме

того, в части 1 статьи 37 Конституции РФ определено, что каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию [3]. Реализуя это конституционное право, гражданин может выбрать любой вид деятельности, в том числе самостоятельную лоббистскую деятельность или пойти работать в организацию, которая оказывает данные услуги [4, с. 41].

Российское законодательство, которое может использоваться и уже используется на практике для продвижения в органах власти корпоративных интересов, достаточно обширно. Положения, касающиеся деятельности субъектов лоббизма, предусмотрены Федеральными законами «Об общественных объединениях», «О политических партиях», «О некоммерческих организациях». Продвижение интересов организаций возможно через обращения в адрес органов и должностных лиц. Право на обращение предметно урегулировано в Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Коммерческие и некоммерческие организации могут участвовать в правотворческом процессе посредством публичных обсуждений, публичных слушаний, публичных консультаций, проведения антикоррупционной экспертизы. Предприниматели доводят свои позиции до государства через механизм социального партнерства, основу регулирования которого составляет Трудовой кодекс РФ [1, с. 137].

К сфере регулирования лоббистской деятельности относится и антикоррупционный пакет законов и подзаконных нормативных актов. Проводимая сегодня в России антикоррупционная политика связывается с правовой институционализацией лоббизма. Так, впервые в 2008 году в утвержденном Президентом РФ Д.А. Медведевым Национальном плане противодействия коррупции одной из мер по совершенствованию государственного управления в целях предупреждения коррупции было названо рассмотрение вопроса о подготовке нормативного правового акта, регулирующего лоббистскую деятельность, на основе изучения существующего механизма учета интересов политических партий, социальных групп, юридических и физических лиц [6].

В Национальном плане противодействия коррупции на 2014—2015 годы Правительству РФ было дано поручение внести предложения о создании нормативной правовой основы деятельности граждан и организаций по продвижению интересов социальной группы или индивида в государственных и муниципальных органах в целях принятия наиболее благоприятного для данной социальной группы или данного индивида решения (лоббизма) [7]. В результате Минэкономразвития России разработало проект федерального закона

по вопросам совершенствования механизма взаимодействия органов власти и представителей общественных объединений, индивидуальных предпринимателей и их представителей, коммерческих компаний, в том числе иностранных, который в сентябре 2014 года прошел общественное обсуждение на Едином портале раскрытия информации (regulation.gov.ru) [2].

Таким образом, предпринимаемые законодателем попытки нормативно урегулировать лоббизм в современных российских условиях носят ярко выраженную антикоррупционную направленность. Однако не все ученые согласны с такой законодательной политикой в сфере лоббизма, так как регулирование лоббизма и борьба с коррупцией — различные направления, которые лучше не связывать. Формирование лоббизма в качестве института преодоления коррупции поддерживает общее заблуждение о том, что он имеет с ней прямую связь [1, с. 140].

На современном этапе в российском обществе лоббизм начал восприниматься как необходимый и естественный инструмент взаимоотношений власти и различных структур общества, требующий официального признания. Юридическая база для развития этого института в России имеется. Несмотря на отсутствие единого закона о лоббистской деятельности, правовой институт лоббизма в России может быть встроен в рамки уже существующих законодательно урегулированных возможностей граждан и организаций влиять на власть. Тем не менее, в российской науке и практике сохраняется ряд проблем, препятствующих формированию эффективного механизма регулирования лоббизма в России, а именно: неоднозначное отношение к лоббизму, отсутствие единого подхода к его определению и анализу его структуры, а также объединение сферы регулирования лоббизма исключительно с антикоррупционной реформой.

Список литературы:

1. Васильева С.В. Правовой институт лоббизма в России: оценка законодательства и перспектив формирования // Сравнительное конституционное обозрение. — 2013. — № 1 (92) — С. 136—148.
2. Завершение работы по законопроекту о лоббизме планируется в середине 2015 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://economy.gov.ru/minec/press/news/161020142053> (дата обращения: 20.04.2015).
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря; 2014. 23 июля.

4. Коньков Д.Н. Особенности правового регулирования лоббистской деятельности в Российской Федерации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2007. — № 24 (том 6). — С. 39—42.
5. Любимов А.П. История лоббизма в России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005. — 208 с.
6. Национальный план противодействия коррупции на 2010—2011 годы (утверждён Президентом РФ 31 июля 2008 г. № Пр-1568) [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.rg.ru/2008/08/05/plan-dok.html> (дата обращения: 19.04.2015).
7. Указ Президента РФ от 11 апреля 2014 г. № 226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014—2015 годы» [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161699/ (дата обращения: 19.04.2015).

1.3. СОЦИОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ

БАЗИСНАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Красавина Зоя Александровна

начальник административно-хозяйственного отдела завода

«Полимир» ОАО «Нафтан»,

РФ, г. Новополоцк

E-mail: krasavina_zoya@mail.ru

THE BASE MODEL OF POLITICAL SOCIALIZATION OF THE BELARUSIAN YOUTH IN MODERN CONDITIONS

Zoya Krasavina

head of the administrative and economic department of the plant “Polymir”

of the company “Naftan”,

Russia, Novopolotsk

АННОТАЦИЯ

В статье описываются некоторые компоненты и существенные черты базисной модели политической социализации белорусской молодежи в современных условиях с помощью методов системного и компаративистского анализа. Охарактеризованы критерии политического развития личности, дано обоснование необходимости разработки и внедрения базисной модели для содействия процессам выработки позитивных стратегий политического поведения молодежи.

ABSTRACT

This article describes some of the components and the essential features of the basic model of political socialization of the Belarusian youth in modern conditions using methods of system and comparative analysis. Characterized by criteria for personality political development, given the rationale for the development and implementation of the basic model to promote the process of formulating for positive strategies political behavior of youth.

Ключевые слова: молодежь; политическая социализация; базисная модель.

Keywords: youth; political socialization; the base model.

Многогранный и все более усложняющийся в современных условиях процесс политической социализации молодежи осуществляется при одновременном воздействии спектра социальных, экономических, политических, культурных и других факторов. Для каждой общественной системы в конкретном историческом контексте характерен свой набор моделей политической социализации. На разных стадиях развития любой социум имеет культурные особенности, собственную систему духовно-ценностных ориентиров и важнейших целей, которыми снабжаются и политические новобранцы из числа молодежи. На процесс политической социализации оказывает влияние не только сама политическая система, но и режим, экономический строй, особенности государственно-правового поля, которые определяют восприятие власти гражданами и психологический климат в политике. Кроме того, «каждому типу политического устройства соответствует определенный идеал «политического человека», гражданина» [4, с. 240]. Современный человек не бывает вне политики, так как политическая система постиндустриального общества нацелена на включение в себя всех и каждого. Каково будет политическое сознание и поведение, вовлеченность и уровень активности, идентификация с теми или иными политическими партиями и группами отдельных граждан во многом зависит именно от эталона, транслируемого институтами и агентами политической социализации.

В Республике Беларусь, как и на всем постсоветском пространстве, характер политической социализации молодежи претерпел ряд серьезных трансформаций на протяжении конца XX — начала XXI вв. В то же время очевидно, что выбор пути политического и экономического развития каждого отдельного постсоветского государства определил и доминирующие в нем механизмы включения молодежи в политическую систему. Реализуемая на протяжении периода становления современной белорусской государственности молодежная политика дает основания выделить и охарактеризовать некоторые основные компоненты формирующейся базисной модели политической социализации белорусской молодежи в современных условиях.

Базис (греч. *basis* — основание) — по данным словарей это основа, основание, опора, фундамент, база; модель (от лат. *modulus*) — означает мера, образец. Таким образом, в данном исследовании

под базисной моделью политической социализации мы будем понимать совокупность важнейших элементов, которые в наиболее обобщенной форме характеризуют результаты процесса политической социализации как одной из важнейших функций политической системы общества. Иными словами, при описании базисной модели необходимо ответить на ряд вопросов: какие личностные черты и установки должен иметь молодой человек, чтобы можно было сказать о позитивной системе его политических ценностей, о высокой гражданственности? Как воспитать такого человека в современных условиях? Какие этапы и механизмы нельзя упустить? Обычно в качестве эталонной модели рассматривается такой вариант реализации определенной идеологии, когда практическая (тактическая) задача приводится в соответствие с идеальным стратегическим замыслом (ценностно направляется рефлексией) и преобразуется в волевое усилие целенаправленной деятельности. В этом случае можно сказать, что содействие политической социализации молодежи на уровне государства — это в первую очередь деятельность, направленная на формирование подобного эталонного механизма реализации государственной идеологии и политической культуры. Говоря о базисной модели в условиях современной Беларуси, нам необходимо учесть не только особенности внутринациональной политики, но и те негативные тенденции, которые влияют сегодня на политические процессы и политическое самосознание молодежи.

Базисная модель социализации, на наш взгляд, может быть как общенациональной, так и частной (или локальной) для определенной группы людей или коллектива, в которой наиболее заострено внимание на специфических чертах, необходимых для личности, социализирующейся в определенной общности (профессиональной, политической и т. д.). Общенациональная базисная модель политической социализации должна соответствовать стратегическим целям развития Республики Беларусь, ключевым аспектам национальной идеологии, транслировать и развивать политическую культуру белорусского государства, отвечать традициям белорусского народа и требованиям современности.

Исходя из основополагающей идеи, сформулированной Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко о том, что «основу нашего мировоззрения составляет сознательный патриотизм и народность» [3, с. 14]; понимая, что патриотизм — это главное и в мировоззрении, и в идеологии государства, и в политической социализации, о становлении сознательного патриотизма молодого человека на всех этапах социализации необходимо говорить как

об основе базисной модели. В современных условиях исследователи отмечают возрастание роли «неклассических» форм противоборства, в том числе средств духовного, политического и других видов подавления и уничтожения противника: идейного разоружения, лишения патриотизма. Нельзя не учитывать и продолжающуюся политику США и ее союзников в отношении стран, возникших после распада СССР, в том числе и к Беларуси, в целях осуществления на их территориях так называемых «цветных» революций. В этих целях используется не только оппозиция внутри этих стран, но и духовно-идеологические средства [1, с. 213]. В связи с этим возрастает актуальность гражданско-патриотического воспитания, формирования у молодого человека менталитета сопротивления.

Еще одной особенностью базисной модели является синтетический характер социализации личности как итоговая черта воспитания, основанная на знаниях и умениях их применять, связанная с практическими делами по осуществлению того, что называется патриотизмом; всего того, что называется идейностью. «Хороший человек» — это мало для результатов политической социализации. К этому следует добавить: какой он гражданин, каково его политическое мировоззрение, поведение, активность. Становление жизненной позиции молодого человека немислимо без самовоспитания и личного участия в совместной деятельности. Эта черта определенно входит в базисную модель политически социализированной личности, несмотря на то, что это самая сложная задача, ведь она требует соответственной личностной программы, которую следует обозначить — «сотвори себя сам». Сам добудь свои знания, сам воспитай в себе веру, волю и убеждения, сам осуществляй и реализовывай на практике свою патриотико-гражданскую позицию. Поэтому на современном этапе развития белорусского общества модель политической социализации должна включать в себя обязательное воспитание гражданской и политической активности личности, как компонента политической культуры. Эта задача, на наш взгляд, должна быть поставлена на передний план идеологической работы с молодежью. Благодаря сохранению в Беларуси некоторых советских традиций включения молодежи в политическую жизнь, сегодня перед институтами, отвечающими за реализацию молодежной политики при помощи уже имеющихся механизмов, стоят задачи «формирования гражданской позиции, чувства ответственности за развитие и государственное устройство Беларуси; сознательного выбора и приоритета национальных интересов; уважения Конституции Республики Беларусь и других Законов государства» [5, с. 78]. Результатом политической

социализации в этом случае выступает молодой человек не в роли зрителя или потребителя, а в роли гражданина. Зритель — всего лишь пассивный наблюдатель. Он может быть хорошо информированным и при этом убежденным в том, что невозможно влиять на ход событий, — от него «ничего не зависит». Потребитель рассматривает политическое общество как рынок, предназначенный для распространения общественных благ и услуг. Это манипулятор, торгующий своим участием в жизни общества в обмен на обещание увеличить его блага. Гражданин рассматривает общество как содружество, в котором он проявляется как личность и активный деятель. Установка, «характеризующая гражданственность и личностный смысл существования в человеческом обществе: от того, что я делаю, за кого голосую, зависит, как будем жить я и моя семья, к каким последствиям приведут социально-экономические преобразования» [2, с. 78]. Важными компонентами политической и гражданской активности являются самосознание, гражданская совесть и достоинство, дисциплинированность, законопослушность (знание и исполнение законов). От подмены гражданской позиции пассивным отношением к социуму или манипулятивным поведением в конечном счете проигрывает общество в целом. Важной чертой, которая характеризует поведение государственных институтов как агентов политической социализации, является также максимально индивидуализированный подход к каждому молодому человеку, особое внимание к формированию и развитию творческих способностей, стимулирование инновационного мышления, лидерских качеств.

Личность, которая соответствует базисной модели политической социализации молодежи в Республике Беларусь, образ которой может использоваться как эталон при целеполагании, планировании и реализации мероприятий, содействующих успешной политической социализации, должна отвечать многим критериям политического развития. В их числе наличие устойчивой и основанной на знаниях системы политических ценностей и норм белорусского общества и мира в целом, осознанный патриотизм и высокие духовно-нравственные качества, способность к разработке собственной программы политического поведения, адекватной целям и условиям, а также достаточно высокая степень активности в политической жизни. Кроме того, молодежная политика Республики Беларусь ориентирована на формирование гражданина с высоким общим уровнем политической культуры, уважающего другие взгляды и альтернативные политические позиции, способного включить других в политическую деятельность. Успешная модель политической социализации предпо-

лагает также стабильность политических мотивов личности и способность самостоятельно анализировать политическую ситуацию и противостоять деструктивным влияниям.

Дальнейшая разработка и внедрение базисной модели политической социализации молодежи в современной Беларуси будет способствовать нивелированию внутренних угроз национальной безопасности, интенсификации социального и политического развития. Необходимо только помнить, что молодежь адекватно реагирует и активно откликается на те формы социализации, которые представляют собой в ее понимании свежие идеи, неординарные подходы, смелые решения, развитие новейших компетенций. Базисная модель как содержание в инновационной форме способна содействовать воспитанию необходимого белорусской политической системе современного молодого гражданина.

Список литературы:

1. Духовно-нравственные ценности в формировании современного человека / О.А. Павловская [и др.]; под ред. О.А. Павловской; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. Минск: Беларус. навука, 2011. — 451 с.
2. Молодежь суверенной Беларуси: штрихи к портрету / Д.М. Булышко [и др.]; под ред. Д.М. Булышко, О.В. Иванюто, Д.Г. Ротмана. Минск: Изд. центр БГУ, 2012. — 192 с.
3. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко о молодёжи и молодёжной политике. Мн.: Изд-во Академии управления при Президенте Республики Беларусь, 2004. — 41 с.
4. Селезнева М.К. Политическая социализация молодежи в современном обществе / М.К. Селезнева // Известия Российского Государственного Педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2007. — № 40. — С. 239—243.
5. Социализация вузовской молодёжи: состояние, проблемы и алгоритмы решений. Материалы Международной научно-практической конференции. (г. Горки, 11—13 мая 2006 г.). В 2 ч./ Под общ. ред. А.Р. Цыганова. Горки: БГСХА, 2006. — 306 с.

СЕКЦИЯ 2.
СОЦИОЛОГИЯ

2.1. СОЦИОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСЛАМА
В КАЧЕСТВЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Жаворонкова Татьяна Вячеславовна

*соискатель кафедры социальной и общей психологии факультета
психологии Российского государственного социального университета,
РФ, г. Москва
E-mail: anutaika2007@mail.ru*

**THE USE OF ISLAM AS THE IDEOLOGICAL BASIS
OF TERRORIST ACTIVITY**

Tatiana Zhavoronkova

*applicant of the Department of social and general psychology,
faculty of psychology, Russian State Social University,
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу проблемы использования ислама в качестве идеологической основы террористической деятельности. Обосновывается вывод о том, что террористические организации в качестве организационной и идеологической оболочки своей деятельности используют основные постулаты исламской религии, при этом искажая и неверно истолковывая их. Описываются различия между идейными течениями ислама и исламским радикализмом,

а также основные формы и методы работы радикальных исламистов в процессе вербовки новых членов террористических организаций.

ABSTRACT

The article analyzes the problem of the use of Islam as the ideological basis of terrorist activity. The conclusion is that the terrorist organizations use the basic tenets of the Islam as an organizational and ideological envelope of their activity, thus distorting and misinterpreting them. Described the differences between the real trends of Islam and Islamic radicalism, and basic forms and methods of work of radical Islamists in the process of recruitment of members of terrorist organizations.

Ключевые слова: ислам; террористическая деятельность; исламский радикализм; идеология террористической деятельности.

Keywords: Islam; terrorist activity; Islamic radicalism; the ideology of terrorist activity.

Ислам — неотъемлемая часть российской действительности. По различным оценкам, в современной России зарегистрировано более трех с половиной тысяч мусульманских организаций, численность мусульман составляет от 15 до 20 миллионов человек [13, с. 2—3]. Вместе с тем, в последние десятилетия во многих регионах мира, в том числе и в России, фиксируется тенденция реисламизации общества и политизации ислама, когда «исламский радикализм» (исланизм) проявляется как агрессивная часть политизированного ислама [4, с. 315]. Использование международными террористическими организациями этнорелигиозного фактора на законодательном уровне признано одной из основных тенденций современного терроризма [7]. Из 20 организаций, признанных судами Российской Федерации террористическими, наименования 9 имеют исламский контекст [5].

Исламо-фанатический терроризм зародился в 70-е гг. XX в., на третьем этапе мировой исторической эволюции движения исламского фундаментализма, в ходе отделения экстремистского крыла от умеренного фундаментализма [17, с. 10]. На территории стран СНГ неуклонный процесс радикализации исламских группировок и появления нетрадиционных исламских течений наблюдался а постсоветский период. Устойчивые группировки радикальных салафитов первоначально возникли в некоторых северокавказских республиках. Впоследствии процесс «растекания джихада» прошел практически по всему Кавказскому региону, а в последнее десятилетие складываются предпосылки для создания радикальных салафитских группировок в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири [13, с. 66].

Его отличительными чертами стали: фанатическая религиозность, ярко выраженный фатализм, восприятие справедливости исключительно как наказания грешников и воздаяния «врагам веры», мессианиззм «спасшейся общины» [17, с. 21].

Появление ваххабизма стало причиной того, что в современном сознании ислам стал ассоциироваться с терроризмом, и термины «радикализм», «религиозный терроризм», «религиозный экстремизм» в массовом сознании стали звучать в контексте «исламского фактора» [14, с. 6]. Систематическое отождествление ислама с терроризмом началось с 90-х годов XX века. В исламе стали видеть не религию, а политическую идеологию, использующую в своей политической борьбе насилие и террор. После терактов 11 сентября 2001 года в российских средствах массовой информации была зафиксирована динамика репрезентации образа мусульман, исламской религии [18, с. 19]. Многократное употребление в прессе клише «исламский терроризм» и «мусульманские террористы» подталкивало читателя к идентификации терроризма с исламской религией. В сознании аудитории ответственность за теракты стала переноситься с террористов на исламский мир в целом. Как показали результаты проведенного В.В. Щеблановой интервью-исследования, «в условиях поликонфессиональной среды трансформируется отношение со стороны немусульман к носителям мусульманской культуры, распространяется нарративная формула, идентифицирующая представителей мусульманского мира, воспитанных на исламе, как террористов» [18, с. 19]. Эту позицию подтверждает и исследование механизма влияния СМИ, в частности, просмотра видеосюжета о террористическом акте, на психологические последствия терроризма, проведенное Мкртычяном А.А. [11, с. 25]. Он выявил, что после просмотра сюжетов, основанных как на официальных комментариях, так и содержащих комментарии заложников, у зрителя наблюдалось изменение отношения к объекту «мусульманин» по шкале «Личностное принятие — личностное неприятие» к полюсу неприятия. Носители альтернативной идеологии, хотя объективно и не являются источниками угрозы и опасности, начинают восприниматься негативно и враждебно.

Однако следует видеть различия между идейными течениями ислама (традиционализмом, фундаментализмом, модернизмом) и исламским радикализмом (исламомизмом). Бекбосынова С.С., изучая ислам в контексте терроризма, высказалась в пользу употребления понятия «исламизм» или «исламский радикализм», который подразумевает под собой не столько религию, а сколько идеологию и политическое действие, основными характерными чертами которого

являются: реставрация первоначальных исламских ценностей, жесткая установка на единство светского и религиозного, «идеальное» устройство общества и государства, основанное на законах шариата, и полное отторжение чужих ценностей [1, с. 18]. Добаев И.П. также подчеркивает существование исламского радикализма в двух формах — как идеологической доктрины и как основанной на этой доктрине социально-политической практики, реализующей проект «по созданию политических условий для применения исключительно исламских (шариатских) норм общественной жизни во всех сферах человеческой жизнедеятельности» [4, с. 47—48]. Ультрарадикальный исламизм проявляется в форме экстремизма и терроризма [4, с. 50].

В науке существуют два подхода в рассмотрении взаимосвязи ислама и исламского радикализма [4, с. 46]. Сторонники первого считают, что ислам не является «террористической идеологией», ислам — это религия любви, справедливости и милосердия, а радикалы используют ислам как прикрытие и маскировку своих противоправных действий, не имея при этом никакого к нему отношения. Под прикрытием исламских ценностей формируются террористические организации, которые совершают свои акции, обосновывая и транслируя идеи легитимности использования насилия для достижения своих преступных замыслов. При этом отмечается паразитический характер идеологии терроризма, когда присущие ей негативные и отталкивающие качества маскируются установками, тезисами и лозунгами ранее сформировавшихся религиозных и политических концепций, традиций, обычаев, осуществляется подмена понятий, «выдергивание» из общего контекста фактов и постулатов [15, с. 68]. Добаев И.П. отмечает использование исламского фактора на Северном Кавказе лишь в качестве организационной и идеологической оболочки сепаратистов, националистов, криминалитета [4, с. 346]. Второй подход придерживается постулата о насильственной и враждебной природе ислама.

Идеологической доктрине исламского радикализма присущ ряд признаков, отличающих его от традиционного коранического ислама: отрицание единства мировой цивилизации с противопоставлением исламского мира всему остальному мировому сообществу, нетерпимое отношение к инакомыслящим и инаковерующим, стремление к созданию государства с шариатской формой правления, уверенность, что они ведут «джихад» против безбожной власти, склонность к силовым методам миссионерской работы, готовность активно сотрудничать с откровенно националистическими (сепаратистскими) и другими экстремистскими силами [13, с. 7—8]. Основная идея

исламского радикализма — объединение всех мусульман в единую нацию без различия их происхождения, языков, национально-психологических особенностей и создание на этой основе единой мусульманской империи — «Всемирного Халифата» со столицей в Мекке. Исламисты признают в качестве источников мусульманского права только Коран и Сунну, категорически отвергая нормы обычного права. Они действуют и выступают от имени ислама, обосновывая свои преступные деяния Священным Кораном [2, с. 73—79]. В рамках ислама идеологи террористических организаций оправдывают насилие религиозными канонами с позиции доктрины священной войны — «джихада» [12, с. 24]. Идеологами ваххабизма разработана человеко-ненавистническая концепция «симпатии и антипатии», согласно которой всё человечество разделено на три группы: тех, кого следует только любить (сами ваххабиты); тех, кого следует только ненавидеть и враждовать с ними (немусульмане); и тех, кого следует и любить, и ненавидеть (мусульмане, не придерживающиеся салафитской концепции) [12, с. 37].

Методика аргументации радикальных салафитов основана, как правило, на подтверждении ими тех или иных выдвигаемых положений, идей, а порой и просто домыслов, той или иной цитатой, буквально вырванной, выхваченной из текстов Корана или Сунны [13, с. 65]. Кроме того, отрицая «греховные нововведения», вызванные человеческой деятельностью (иджтихад), радикалы сами, по сути, неверно истолковывая ряд текстов Корана, создают свою «террористическую идеологию» [3, с. 33], и, используя человеческий фактор, прибегают к собственному иджтихаду, в том числе подкрепляя свои идеи трудами салафитов исторического прошлого. Салафитские группировки считают неверными всех несогласных с их трактовкой ислама. Их идеологи называют традиционный тарикат «путем шайтана», наставников-уазов — «идолами», а их мюридов — «идолопоклонниками», призывают приверженцев салафизма к т. н. «чистому» исламу, оправдывают джихад против неверия и язычества [13, с. 9].

Оправдывая насилие, идеологи-радикалы спекулируют на религиозных чувствах, суевериях и предрассудках. Подстрекая на борьбу, исламистские радикалы внушают правоверным, что причиной насилия является греховность неправовверных людей, что смерть не является концом их жизни и обеспечивает попадание в лучший мир, что правоверные должны быть готовы к принятию смерти во имя достижения высших целей [12, с. 25]. Упор делается на призыве исполнить свой личный долг, который является формой служения Всевышнему [10].

Идеи радикального ислама четко вписаны в механизм вербовочной работы террористов. Выделяют три группы факторов, способствующих социальной и политической мобилизации адепта в исламском радикализме [1, с. 16]. Первая основана на положении ислама о невозможности произвольного вмешательства человека в существующий миропорядок, вследствие чего борьба с «врагами ислама» есть смысл истинной веры. Вторая группа связана с нормами коллективизма и общежития. Истинно верующий не всегда правильно оценивает окружающие его явления и события, поэтому возникает необходимость обращаться к более опытным и мудрым — улемам, факихам, устазам. Это снимает с индивида личную ответственность. Третья группа факторов представлена идеей о том, что рядовой верующий практически ничего не значит в мире общественно-политических отношений, он только член единых по религиозной принадлежности общин.

Радикальные исламские проповедники, действующие на территории России, применяют достаточно широкий спектр форм и методов работы с новобранцами. Их содержание и интенсивность зависят от многих факторов, в том числе — от особенностей идеологии той или иной радикальной организации. Выделяют следующие формы и методы пропагандистской работы [13, с. 81—83]:

- сочетание в проповедях традиционалистских и модернистских черт в трактовке ислама, что позволяет приспособить мусульманскую догматику к современному этапу развития цивилизации. Здесь считается не только возможным, но и необходимым сочетать ислам не только с официальными институтами мусульманского мира, но и с современными либеральными западными ценностями;

- упрощенческий характер идеологических построений. В процессе вербовочной работы изначально в сознании адептов формируется довольно простая схема построения мира: «мир, в том числе и общество, совершенны по воле бога, всякое несовершенство общества (зло и несправедливость в нем) привносятся людьми (неверующими, верующими неправильно и верующими неискренне)». Следовательно, борьба с неверными и есть смысл истинной веры [4, с. 137]. Содержащаяся в этой схеме мобилизационная установка подкрепляется «нужными» фразами, взятыми из текстов Корана и подвергшимися интерпретации террористическими идеологами. Такая информация в доступной форме доносится до сознания адептов, обладающих, как правило, минимальным уровнем религиозной грамотности;

- проповедование набора простых практических действий, которые мусульманин должен совершать в настоящей жизни для того, чтобы обеспечить себе место в раю. «Убивай «неверных» — врагов Аллаха и врагов религии», «Сражайся против тех, кто не соблюдает законы ислама», «Аллах-идеал, Пророк — вождь, джихад — средство достижения цели, смерть во имя Аллаха — заветная мечта» — такие лозунги используют исламисты в своей пропагандистской работе с адептами. Анализ текстов обращений-листовок чеченских сепаратистов показал, что воззвания к участию в насильственных действиях включали как религиозные призывы (лозунги джихада, газавата, призывы к обучению в исламской армии и утверждению шариата, угрозы смерти вероотступникам), так и светскую риторику (призывы к национально-освободительной борьбе) [18, с. 27—28];

- применение специальных психологических механизмов, приемов и средств речевой манипуляции, воздействующих не только на сознание, но и на эмоции и чувства индивида и способствующих некритичному восприятию адептами тех или иных положений террористической идеологии. К тактикам речевого манипулирования относятся следующие: тактика манипулятивной подачи информации (её искажение, утаивание, селекция), тактика манипулятивной стратегии (воздействие на чувства, потребности, личностные слабости людей) и тактика демагогии [16];

- направленность проповедей на выделение мусульман (в том числе — неофитов) в элитную группу в обществе. Анализ обращений-листовок, распространяемых на Северном Кавказе, показал, что чеченцы-сепаратисты в оправдание своих насильственных действий использовали следующие объяснительные технологии: террористы представлены отважными воинами, которые отстаивают интересы своего народа и обороняют отечество; кавказские народы показаны как древние и зрелые нации с высокой духовной культурой. Обсуждение российской стороны строится на упреках и разжигании ненависти к России и её властям, к русскому этносу; подчеркивается не прекращавшееся на всей протяжении истории противостояние России с Чечнёй (и шире — с Кавказом), опасность захватнических намерений России в кавказском регионе, бедствия, претерпеваемые от неё, проводятся вневременные аналогии между событиями исторического былого и актуального настоящего [18, с. 27];

- «рациональное» сравнение европейского и исламского миров, в котором подчеркиваются негативные характеристики европейской цивилизации, основанной на насилии, распутстве и ярко выраженном социальном неравенстве, и несомненные преимущества

исламского мира. Одной из групп причин активизации террористической деятельности в странах зоны распространения ислама является непринятие определенными слоями общества западной модели политической системы и выдвижении в качестве альтернативы модели исламской формы правления [1, с. 14];

- использование изначально заложенных в исламе идей равенства и социальной справедливости, пропаганда тезиса о том, что ислам способен решить социально-экономические и политические проблемы современного общества, даже если при решении будут использоваться формы насилия и террора;

- использование идеи сплоченности мусульманского сообщества, их равенства независимо от расовых, этнических и других различий, возможности почувствовать себя «защищенными», получить помощь в случае возникновения жизненных трудностей от других мусульман. Ваххабизм утверждает принципы «братства» мусульман и их равенства перед Аллахом, отвергает какие-либо общественные и сословные деления между ними [1, с. 17]. При этом наблюдается своеобразное растворение индивидуального начала в общине, когда рядовой член обязан лишь исполнять точно и полно предписания общины, и вся ответственность перед богом за совершенные поступки возлагается на внешнего на него авторитета [4, с. 138—139];

- использование протестных, оппозиционных и антигосударственных настроений в обществе, когда идеи социальной справедливости, равенства, братства, высокого морального облика мусульман, борьбы с коррумпированной государственной властью и преступностью представляются населению как форма социального протеста и борьбы за свои права [13, с. 10];

- использование антиправославной риторики, дискредитация Русской Православной Церкви;

- формирование у адептов восприятия реального мира в качестве второстепенного по сравнению с загробным миром, в качестве своеобразного «зала ожидания» перед «ахиратом» (посмертным воздаянием);

- использование идеи морального отделения от «неверного общества», являющейся одной из основ формирования ненависти и вражды к не-мусульманам. Одной из важнейших характеристик динамики и регуляции террористических групп выступает изолированность от остального мира, и включение в такую группу определяется специфической идентификацией, основанной на построении жесткой конструкции мира, где противопоставлены «наш мир» и «мир враждебный» [3, с. 34];

- применение идеи о делении мусульман на «правоверных», сторонников «чистого» ислама, и «номинальных», которые считают себя мусульманами, но, по мнению приверженцев фундаменталистов, не являются таковыми. Провозглашая строгое единобожие, ваххабиты относят к «неверным» мусульман-вероотступников, совершивших «самомалейшее отступление» от принципа единобожия, «лицемеров»-мусульман, высказывающих приверженность к исламу и скрывающих неверие, последователей любых, кроме ваххабизма, идеологических течений ислама, которые отвергают шариат в качестве единственно возможного источника права [1, с. 18]. На основе данного тезиса формируется негативное отношение адептов к представителям официального исламского духовенства.

Однако, следует отметить, что псевдоисламские салафитские религиозно-экстремистские идеи не имеют ничего общего с духовным поиском внутри ислама [6]. Коран и Сунна отвергают и строго осуждают терроризм. В основе мусульманского вероучения: повеление творить мир и добро и неприемлемость посягательства на человеческую жизнь, которая считается высшим даром Всевышнего. Во 2-й суре Корана как важнейший завет приводятся слова: «Не творите на земле зла» (Коран, 2:60) [8]. В священной книге мусульман людей призывают «творить добро и благое». В Коране прямо сказано: «Творите добро, поскольку Аллах любит творящих добро» (Коран, 2:195) [8]. Священное писание ислама провозглашает свободу вероисповедания и свободу совести, категорически запрещает самоубийство, участие в войне женщин, выступает за гуманное обращение с пленными. Выход из Ислама и переход в другую веру, согласно Корана и Сунны, не влечет за собой какого-либо мирского наказания, а оставляется на Суд Божий. Ни в Священном Коране, ни в Сунне не говорится об определенном типе государственного устройства, так называемом «исламском государстве». Истинно исламское мировосприятие не приемлет никакие формы насилия, жестокости и принуждения, проявления которых рассматриваются как искажение основополагающих принципов Ислама. Через распространение идей ислама о гуманизме, человечности, толерантности и равенства всех перед Богом возможно прийти к укреплению стабильности, устойчивости и мирных, добрососедских отношений в многонациональном и поликонфессиональном российском обществе [9, с. 7—12].

Следует четко видеть различия между исламом и исламским радикализмом. Тогда как ислам — это лишь религия, хотя и охватывающая многие сферы жизнедеятельности верующих — семью, быт, социальное и экономическое устройство [4, с. 86],

исламский радикализм — это «идеологическая доктрина и основанная на ней социально-политическая практика, которые характеризуются нормативно-ценностным закреплением идеологического, политико-мировоззренческого и даже вооруженного противостояния мира «истинного ислама» по отношению к миру «неверных» вовне и миру «неистинной веры» внутри ислама и требуют абсолютного социального контроля и мобилизации (служения идее) своих сторонников» [1, с. 24].

Таким образом, террористические организации используют ислам в качестве организационной и идеологической оболочки своей деятельности, при этом искажая и интерпретируя основные постулаты исламского учения в нужном для своей преступной деятельности русле. Своими обращениями к Корану радикалы подрывают гуманную основу ислама — веротерпимость и ненасильственный призыв к единобожию. Внедряемое таким путем в массовое сознание салафитское учение ведет, в конечном счете, к дискредитации ислама в глазах мировой общественности.

Список литературы:

1. Бекбосынова С.С. Исламский фактор и терроризм в современном мире. Политологический анализ: Автореф. дис. канд. полит. наук. М., 2007. — 26 с.
2. Гайнутдин Р. Ислам против терроризма // Терроризм и религия / Науч. ред. В.Н. Кудрявцев; сост. Л.В. Брятова. М.: Наука, 2005.
3. Гурба В.Н. Терроризм в регионах адатных культур: на примере Северо-Кавказского региона: Автореф. дис. доктора социол. наук. Новочеркасск, 2011. — 58 с.
4. Добаев И.П. Исламские радикализм: генезис, эволюция, практика: монография. Ростов-н/Д.: Издательство СКНЦ ВШ, 2003. — 414 с.
5. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных судами Российской Федерации террористическими [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.rg.ru/2014/02/15/organizatsii-dok.html> (дата обращения: 17.04.15).
6. Жусилбек Г. Ислам и терроризм — попытка анализа [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://horizonresearch.kz/index.php/ru/analytics-ru/106-islam-and-terrorism> (дата обращения: 11.02.2015).
7. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.rg.ru/2009/10/20/zakon-dok.html> (дата обращения: 17.04.15).
8. Коран [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://священный-коран.рф/smyslovoj-perevod-kulieva-sury-1-po-20.html> (дата обращения: 16.04.15).

9. Мавляутдинов И.С. Социальная роль Ислама как фактора стабилизации общества: на примере Республики Татарстан: Автореф. дис. канд. социол. наук. Казань, 2007. — 24 с.
10. Мелентьева Н. Размышления о терроре // Сайт «АртПолитИнфо». — 2014. — 21 сентября. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://artpolitinfo.ru/731/> (дата обращения: 05.02.2015).
11. Мкртычян А.А. Влияние средств массовой информации на психологические последствия терроризма: Автореф. дис. канд. псих. наук. М., 2012. — 38 с.
12. Назиров Д. Проблемы терроризма, религиозного экстремизма и пути их преодоления: Автореф. дис. доктора филос. наук. Душанбе, 2009. — 47 с.
13. Противодействие террористической и иной экстремистской деятельности исламских радикальных структур на территории государств-участников Содружества независимых государств: материалы международного научно-практического семинара, М., 2014. — 97 с.
14. Резникова А.В. Структурные и динамические характеристики современного религиозного экстремизма: Роль «исламского» фактора в Северокавказском регионе: Автореф. дис. канд. социол. наук. Ростов-н/Д., 2005. — 22 с.
15. Роль средств массовой информации и Интернета в предупреждении терроризма: материалы IV-й Всероссийской научно-практической конференции (том 1), М., 2013. — 119 с.
16. Сергеева Е.В. Проблема выявления речевого манипулирования при проведении лингвистической экспертизы «экстремистских» сайтов Интернета (на примере файла «LEZGINKA.flv») [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw2/sergeeva.html> (дата обращения: 11.02.2015).
17. Чудинов С.И. Терроризм как социокультурный феномен: Автореф. дис. канд. филос. наук. Новосибирск, 2006. — 26 с.
18. Щепланова В.В. Современный терроризм в глобализации социальных рисков: структуралистско-конструктивистский контекст: Автореф. дис. доктора социол. наук. Саратов, 2010. — 39 с.

СЕКЦИЯ 3. ФИЛОСОФИЯ

3.1. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

СОЗДАНИЕ ИНКЛЮЗИВНОГО РЫНКА ТРУДА В НОРВЕГИИ

Боровикова Ирина Вячеславовна
преподаватель САФУ им. М.В. Ломоносова,
РФ, г. Архангельск
E-mail: i.borovikova@narfu.ru

CREATING AN INCLUSIVE LABOUR MARKET IN NORWAY

Irina Borovikova
lecturer at NArFU, Russia,
Russia, Arkhangelsk

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема участия людей со сниженными функциональными возможностями в трудовой деятельности в Норвегии. Рассматриваются также барьеры, препятствующие инклюзии, и законодательные акты, направленные на снижение дискриминации инвалидов на рынке труда.

ABSTRACT

The article considers participation of functionally impaired people in working life in Norway. There are also considered barriers impeding inclusion and law acts aimed at reducing discrimination of disabled people in labour market.

Ключевые слова: снижение функциональных возможностей; инклюзивная трудовая деятельность; договор о намерениях создания инклюзивного рынка труда; закон об условиях труда; закон о дискриминации и доступности.

Keywords: functional impairment; inclusive working life; intention agreement for an inclusive working life; the working environment act; the discrimination and availability act.

Работа так же значима для людей с ограниченными возможностями, как и для всех других членов общества. Работа важна для материальных и социальных условий жизни и, вероятно, является важнейшей ареной участия в общественной жизни. Прямым значением участия в трудовой деятельности является получение зарплаты. Косвенное значение в большей степени затрагивает идентичность индивида и чувство собственного достоинства. Таким образом, трудовая деятельность — это не только важнейший источник дохода для большинства, но и основная арена социального взаимодействия и социальной интеграции [1, с. 6].

Работа является также важным институтом-посредником между общественной структурой и индивидом. Неучастие в трудовой жизни может означать, что человек не является частью данного общества [5, с. 71].

По мнению Вольфенсбергера, наполненная смыслом и приносящая доход работа является основой нормализации. Она препятствует попаданию индивида в роль зависимого. Таким образом, для инвалида работа и участие в общей социальной организации трудовой жизни является альтернативой зависимого положения [3, с. 96].

Политика в области труда и занятости может строиться на различном теоретическом фундаменте — регулировании для обеспечения всех равными возможностями или стимулировании работодателей для создания условий разносторонней трудовой жизни. К политике регулирования относятся решения, направленные против дискриминации, на доступность и адаптацию, целью которых является предоставить индивидам равные права, управляя действиями работодателей посредством законов и санкций. Политика стимулирования в большей степени основана на желании организаций разработать политику разнообразия, поскольку они заинтересованы в использовании ресурсов, представляемых различными меньшинствами.

Политика стимулирования предполагает, что работодатели чувствуют социальную или моральную ответственность или имеют заинтересованность, которая может мотивировать их нанимать

или удерживать работников со сниженными функциональными возможностями. Политика регулирования должна функционировать вне зависимости от мотивов работодателей [5, с. 87—88].

В последние годы в Норвегии все больше внимания уделяется вопросу участия людей со сниженными функциональными возможностями в трудовой деятельности. Одной из причин является обеспокоенность растущими государственными расходами на выплату по социальному и пенсионному обеспечению, другой причиной является большой спрос на рабочую силу и предполагаемый дефицит рабочей силы в будущем [1, с. 6].

Для норвежского правительства важной целью является предоставление людям со сниженными функциональными возможностями равных наряду с другими людьми возможностей для личного развития, участия и самовыражения. Необходимо соблюдать права всех членов норвежского общества и привлекать к участию в трудовой жизни как можно большее количество людей для поддержания общества всеобщего благосостояния. Поэтому норвежское государство облегчает переход людям с ограниченными функциональными возможностями из образовательного сектора на рынок труда, одновременно создавая условия для работающих, чтобы они оставались на рабочих местах как можно более длительное время. Это может быть достигнуто при обеспечении общественного равноправия и введении универсального дизайна как можно большего количества физических объектов [1, с. 24].

Норвежский рынок труда предъявляет все более высокие требования к квалификации, способности адаптации и производительности работников. Важным средством найма и включения в трудовую деятельность людей со сниженными функциональными возможностями являются приспособление, адаптация рабочих заданий, рабочего времени и различные виды технических вспомогательных средств.

Существуют различные формы адаптации, как общая адаптация для всех работников предприятия, так и индивидуальная адаптация для отдельного работника. К индивидуальной адаптации можно отнести изменение рабочих заданий, физическая адаптация рабочего места, применение информационно-коммуникационных технологий, сокращение рабочего времени или гибкое рабочее время, а также персональное ассистирование [1, с. 12].

Норвежские работодатели обязаны способствовать развитию инклюзивной трудовой деятельности согласно закону об условиях труда и закону о дискриминации и доступности.

Кроме того, в последние годы появился или был пересмотрен ряд законов и предписаний, напрямую или косвенно затрагивающих инвалидов. В особенности это касается антидискриминационного законодательства и включение принципа универсального дизайна в свод законов. Так, появились и изменились такие законы и предписания, как закон о планировании и строительстве, закон об университетах и университетских колледжах, закон о государственных закупках и предписания об универсальном дизайне в транспортном секторе. Законодательно закреплено создание коммунальных и губернских коммунальных советов для людей со сниженными функциональными возможностями и введен закон о запрете дискриминации по причине снижения функциональных возможностей [1, с. 13].

Договор о намерениях создания инклюзивного рынка труда в Норвегии был впервые заключен между властями и сторонами трудовой жизни в 2001 году. Действующий в настоящее время договор был подписан 4 марта 2014 года сроком до 31 декабря 2018 года. Договор основан на сотрудничестве между властями, работодателями и работниками. В договоре подчеркивается, что в трудовой жизни должно быть место всем, кто хочет и может работать, также индивидам, имеющим временное или постоянное снижение функциональных возможностей, и пожилым работникам [4, с. 60].

Предприятия, подписавшие договор, обязуются следовать собственным целям по сокращению отсутствия на рабочем месте в связи с болезнью, и предоставлению возможностей лицам, получающим пенсию по инвалидности, участвовать в трудовой жизни.

Главная цель сотрудничества в рамках настоящего договора о намерениях имеет три подцели:

1. Сокращение отсутствия на рабочем месте по болезни на 20 процентов по сравнению с уровнем второго квартала 2001 года.
2. Предотвращение неявки и увеличение занятости лиц со снижением функциональных возможностей.
3. Увеличение трудовой активности после достижения пятидесятилетнего возраста на двенадцать месяцев (по сравнению с цифрами 2009 года).

Согласно статистическим данным 2014 года, 26 процентов предприятий Норвегии подписали договор о намерениях. Среди этих предприятий представлено много крупных организаций и предприятий государственного сектора экономики. Это означает, что почти 60 процентов всех работников в Норвегии работают на предприятиях, заключивших договор о намерениях [2].

Следует отметить, что в правительственной трудовой стратегии Норвегии рассматриваются также четыре группы барьеров, которые могут стать препятствием к участию в трудовой деятельности для индивидов, имеющих снижение функциональных возможностей:

1. Дискриминация. Лица, имеющие снижение функциональных возможностей, могут подвергаться дискриминирующему отношению и действиям.

2. Затраты. Многие работодатели полагают, что на предприятии могут быть возложены дополнительные расходы при адаптации рабочего места и создании условий для индивида.

3. Производительность. Многие работодатели расценивают людей со снижением функциональных возможностей обладающими более низкой трудоспособностью и производительностью по сравнению с другими сотрудниками.

4. Информация и отношение. Негативное отношение и отсутствие информации могут являться препятствием для соискателей, имеющих снижение функциональных возможностей [1, с. 12].

Таким образом, по-прежнему предстоит проделать большую работу по обеспечению рабочими местами людей со сниженными функциональными возможностями. Разные виды сниженных функциональных возможностей сталкиваются с различными вызовами на рынке труда. Поэтому существует потребность в комплексе мер, предназначенных для конкретной целевой аудитории.

Следует отметить, что занятость инвалидов включает взаимодействие индивидуальных факторов, аппарата оказания поддержки, трудовой жизни и таких более общих общественных условий, как отношения и физическое проектирование объектов. Многим людям с ограничением функциональных возможностей требуется комплексный подход в предоставлении различных государственных услуг, программ ассистирования, а также доступных и гибких транспортных услуг. Это является важной предпосылкой включения и полноценного участия лиц с ограничением функциональных возможностей в трудовой жизни [1, с. 13].

Инклюзивная трудовая деятельность начинается с инклюзивного общества. Предпосылкой этого является универсальный дизайн различных сфер общественной жизни. Создание условий для людей со сниженными функциональными возможностями пойдет на пользу не только им самим, но также будет содействовать инклюзивной трудовой деятельности в целом.

Список литературы:

1. En analyse av funksjonshemmedes situasjon i arbeidslivet. Direktoratet for arbeidstilsynet, 2012. — 28 s.
2. Hva er inkluderende arbeidsliv? / [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: https://www.regjeringen.no/nb/tema/arbeidsliv/arbeidsmiljo-og-sikkerhet/inkluderende_arbeidsliv/ia-avtalen-2014-18/hva-er-ia/id2344635/ (дата обращения: 21.04.15).
3. Kassah A.K., B.L.L. Kassah. Funksjonshemming. Sentrale ideer, modeller og debatter. Fagbokforlaget, 2009. — 236 s.
4. Kilian J. Inkludering i praksis. En håndbok for tilrettelegging på arbeidsplassen. Forlaget Aldring og helse, 2006. — 172 s.
5. Tøssebro J. (red). Funksjonshemming — politikk, hverdagsliv og arbeidsliv. Universitetsforlaget, 2009. — 266 s.

КУЛЬТУРА ДОСУГА — НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Кутузовская Анна Сергеевна

аспирант,

Российский Государственный Социальный Университет, Москва

E-mail: anna.kutuzovskaya@yandex.ru

CULTURE OF LEISURE — AN ESSENTIAL ELEMENT OF A HEALTHY LIFESTYLE

Kutuzovskaya Anna

*graduate student, Russian State Social University,
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена осмыслению взаимосвязи культуры досуга с точки зрения качественного наполнения человеком своего свободного времени и формирования здорового образа жизни общества и конкретной личности. Определены понятия «досуг», «культура досуга» и «здоровый образ жизни», основные проблемы досуга современного общества, а также причины их порождающие. Показано

насколько взаимосвязаны два этих явления: здоровый образ жизни подразумевает выбор грамотных, эффективных форм досуга; досуг в свою очередь является формообразующей составляющей для выбора поведенческих моделей и социализации личности.

ABSTRACT

The article is devoted to judgment of interrelation of culture of leisure and formation of a healthy lifestyle of society and the specific personality. Definitions of the concepts "leisure", "culture of leisure" and "healthy lifestyle", the main problems of leisure of modern society, and also the reason of their emergence are given. It is shown the interrelation of these phenomena: the healthy lifestyle means a choice of competent, effective forms of leisure; leisure in turn is a form-building component for a choice of behavior models and socialization of the personality.

Ключевые слова: досуг; культура досуга; здоровый образ жизни; проблемы формирования здорового образа жизни.

Keywords: leisure; culture of leisure; healthy lifestyle; problems of healthy lifestyle development.

На современном этапе жизни общества, в период господства научно-технического прогресса и высоких темпов жизни, казалось бы, появились огромные возможности проведения досуга, его качественно нового уровня, а, следовательно, появление успешного и саморазвивающегося человека, ведущего здоровый образ жизни. Однако, многие люди вместо занятий, способствующих социокультурному росту, выбирают времяпровождение, останавливающее или даже разрушающее этот рост. Массовая культура, столь сильно завладевшая современным обществом, не требует интеллектуального напряжения и разборчивости при потреблении ее массового продукта. В результате мы можем наблюдать складывание и формирование нового "массового" образа жизни. В данном случае это такая совокупность форм деятельности и особенностей поведения, которая не отвечает критериям ни физического, ни духовного здоровья. Более того, не соответствует не только гармоническому развитию личности, но даже пассивному отдыху.

Это следствие проблем формирования здорового образа жизни населения и, как его части, культуры досуга. Чтобы разобраться в их взаимосвязи и причинах сложившейся ситуации, необходимо рассмотреть сущность понятий «досуг» и «здоровый образ жизни».

Досуг — часть внерабочего времени, которая остаётся у человека после исполнения непреложных непроизводственных обязанностей [1].

Причем, внерабочее время (свободное время) в свою очередь можно разделить по нескольким основаниям: физическое время (связанное с учебной или производственной деятельностью); бытовое время (например, приготовление пищи или уборка); биологическое время (удовлетворение физиологических потребностей) и социальное время (досуг). Таким образом, можно уточнить, что понятие досуг относится к категории свободного времени, подразумевает свободный выбор человеком форм и видов своей досуговой деятельности или поведения, с учетом потребностей, а также материального и физического состояния. Основными целями, которые преследует каждый конкретный человек в процессе досуга, могут выступать: восстановление физических и духовных сил, самосовершенствование, удовольствие (развлечение), просвещение и т. п. Все это достигается путем использования качественно насыщенных средств, форм и методов. Прежде всего, насыщенных духовно: эстетическое воплощение, гармония, традиции и ценности, новые знания, произведения искусства и продукты культуры.

В культурологии и социологии досуга можно найти несколько концептуальных моделей понимания и значения досуга в жизни человека [8, с. 78]. В гуманистической модели концепции досуга (Аристотель, Б. Рассел, Дж. Гразия, Дж. Пипер) рассматривается как цель жизни и идеал. Досуговая деятельность является высшей формой проявления творческого начала: цель досуга не в самовыражении, а в самосознании, понимаемом как самосотворение. Терапевтическая модель рассматривала досуг как действенное средство физической реабилитации и влияния на психическую структуру человека. К этой модели относится теория Т. Воблена о связи богатства и досуга (стратификация). А кальвинизм рассматривает его как релаксацию и восстановление сил после труда. Количественная модель (Дж. Шивере) рассматривает досуг как время, остающееся после работы. Институциональная модель различает досуговую деятельность в религиозной, образовательной, культурной, общественно-политической сферах; изучает соответствующие им формы и средства досуга. Аксиологические и эстетические взгляды на окружающий мир главным образом влияли на содержание досуга в рамках эпистемологической модели. Экзистенциальная концепция (А. Пак, Дж. Нейлингер) рассматривала досуг как состояние бытия, свободы, когда человек может достичь самореализации, удовольствия и удовлетворения. Досуг как функция досуговых мероприятий (Ж. Дюмазадье). Он изучает досуг как средство расслабления, удовлетворения, свободного выбора, просвещения, участия в общественной

жизни, проявления творческих возможностей. Социальная модель досуга акцентирует внимание на формах участия различных групп в досуговых мероприятиях социального плана и поведенческие характеристики её участников.

При всем многообразии подходов важно подчеркнуть общее. Досуг во всех представленных концепциях это целенаправленное, сознательное «освобождение» социального времени от профессиональных и бытовых затрат для достижения целей самосовершенствования, воспитания, просвещения, отдыха и социализации. Отличным здесь выступают иерархии ценностей, а именно для чего первоначально человек занимается досугом, какова его конечная цель.

Таким образом, досуг непосредственно связан и в некотором роде даже невозможен без взаимодействия с культурой. В данном случае под культурой подразумевается вся совокупность материальных и духовных ценностей, создаваемая в процессе человеческой деятельности в вещественных и невещественных формах.

Культура досуга же, это такое воплощение досуговой деятельности, когда отдельная личность или группа в состоянии проанализировать собственные потребности и возможности их удовлетворения, осуществить грамотный поиск вариантов и эффективно провести свое свободное время. Это подтверждается в высказывании В.Я. Суртаева, культура досуга — это «мера реализации социально-культурного потенциала личности в условиях досуговой деятельности, мера приобретенных ею навыков регулирования досугового времени, готовность личности к участию в социально значимых видах досуговой деятельности» [9, с. 28]. Н.В. Котельникова так определяет культуру досуга: «Это качественная характеристика человеческой деятельности на досуге во всем многообразии ее видов, форм, способов и результатов; набор ценностных ориентаций и форм поведения, а также готовность к участию в социально-значимых видах досуговой деятельности, способствующих самореализации творческого потенциала личности» [5, с. 19—0].

Безусловно, первоначально далеко не каждый человек способен сделать этот выбор самостоятельно. Прежде всего, его декларируют общественные нормы, социальные институты, общности и СМИ. Личный выбор досуговой деятельности опирается и на такое понятие как «культура личности». Другими словами, культура личности есть ни что иное, как основа для формирования культуры досуга отдельного человека, социальной группы и общества в целом.

М. Каган культуру личности рассматривает в трех аспектах. Во-первых, культура как принцип связи человека с предметом, его

способ включения в общественную жизнь, самосознание и самоопределение, осознание неотделимости от общих социокультурных процессов и своей уникальности. Во-вторых, это ментальная характеристика, которая проявляется в установках сознания, нацеленности на мир и внутрь себя. И, наконец, культура как все, что накоплено человечеством. Это те духовные и материальные блага, которые позволяют человеку формироваться и двигаться дальше к совершенству [4, с. 78].

Другими словами, то как человек, формируясь как личность и активный член малой социальной группы и всего общества, осознает себя в окружающем мире, какие ценности и идеалы заложены в нем в процессе социализации, каково его отношение к традициям и исторической памяти, какие цели и перспективы он видит для дальнейшего развития. Из множества отдельных культур разных личностей формируется общая совокупность, которая либо в основном единообразна, либо по некоторым аспектам конфликтует со своими составляющими. Адекватные, высокодуховные и нравственные основания становятся крепким базисом для формирования культуры свободного времени и досуга, процессов воспитания и социализации, а также дальнейшего развития.

Представления о здоровом образе жизни чаще всего сводятся к соблюдению режима дня, правильному питанию и отсутствию стресса. Безусловно, в этом есть доля правды. Однако, физическая составляющая образа жизни не является определяющей. Обратимся к значению понятия «здоровый образ жизни». Здоровье (по определению Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ)) — это состояние полного физического, душевного и социального благополучия. В английском соответствует как *Healthy lifestyle*, так и *Health promotion* (укрепление здоровья). С точки зрения биологии речь идет о физиологических возможностях человека адаптироваться к воздействиям внешней среды и изменениям состояний внутренней среды. Но на физиологическую составляющую человека большое влияние оказывает его психоэмоциональное состояние. Поэтому принято также выделять: эмоциональное самочувствие, интеллектуальное самочувствие, духовное самочувствие.

Эмоциональное самочувствие очень важно для нашего психологического и социального благополучия. Люди, находящиеся и поддерживающие свое хорошее эмоциональное состояние, дружелюбны, отзывчивы, имеют крепкие и устойчивые социальные и личные связи, достигают большего успеха и признания. М. Гончаров связывает профилактику и укрепление эмоционального здоровья

с самопознанием и контролем, творчеством и профессиональным развитием, активным и насыщенным отдыхом, а также позитивным взглядом на собственную жизнь и окружающий мир [2].

Интеллектуальное самочувствие зависит от качества и способов познавательных процессов человека, а также форм работы и эффективности использования в своей жизни полученных данных теоретическим и практическим способом. К интеллектуальному здоровью также относят воображение, творческие элементы и психологическое состояние.

Духовное самочувствие и здоровье человека напрямую зависит от категории бессознательного. Дух (или душа) рассматривается в качестве объективного явления, потенциально содержащего в себе мировоззренческий и культурологический аспект (опредмечивание идей, формирование значений, определяющих семантическое поле культуры, духовный опыт человечества) [7; с. 212, 272].

Все три надфизиологические составляющие здорового образа жизни связаны с культурными аспектами жизни общества, а значит с досугом и культурой досуга в частности.

Здоровый образ жизни является предпосылкой для укрепления и развития активного долголетия, т. е. более продолжительного и полноценного выполнения человеком своих социальных функций: активного участия в трудовой, общественной, семейно-бытовой, досуговой формах жизнедеятельности.

Здоровый образ жизни помимо прочего тесно связан с понятием среды. Важно подчеркнуть, что каждый человек способен менять среду своего обитания в лучшую сторону: соблюдение санитарно-гигиенических норм в пределах своего жилища и рабочего места, грамотный выбор мест и форм отдыха, как физического так и психоэмоционального. Однако, чтобы достичь этого, человек должен, прежде всего, сам стать носителем идеи здоровья как основного жизненного приоритета. Именно эта проблема и является важнейшей задачей применения социальных технологий в данной сфере. Следующим этапом должно стать формирование определенной организации самосознания человека, ориентированного на понимание роли и места различных средств, методов и форм здорового образа жизни, а также на умение применить их в своей жизнедеятельности. Кроме того, препятствием на пути к здоровому образу жизни, может стать дефицит знаний, которыми необходимо вооружить человека, обеспечить его необходимыми консультациями. Особенно остро эта проблема стоит в процессе здорового воспитания детей. Складывание

их личности несет огромную значимость для здоровья личности, семьи, общества и будущих поколений.

Актуализацией проблем и пропагандой здорового образа жизни непосредственно должны заниматься государственные органы управления (как в собственных законопроектах и программах, так и на личном примере), социальные институты, общественные организации, СМИ. Частью этого процесса становится, в том числе, и культурная политика государства. Ее основными задачами становятся: формирование, сохранение и поддержание базовых общекультурных и национальных идеалов, ориентиров, ценностей и тенденций, социально-культурных процессов в обществе, создание политических и экономических условий для формирования и развития культурных институтов на основе потребностей граждан, различных социальных групп, государственные гарантии защиты культуры и культурных ценностей, объектов всемирного наследия; внедрение инновационных образовательных и просветительных технологий в культурную деятельность (музейное дело, реставрация, различные формы мультимедиа), создание системы гарантий участия всего населения в культурных процессах.

Особенно следует подчеркнуть специфическую область культурной политики: социально-культурную деятельность. В рамках которой реализуются поддержка и создание необходимых условий для духовной, творческой деятельности, где транслируются, тиражируются, реставрируются, развиваются духовные и материальные основания культуры, иными словами, производство и потребление культурных благ, а, главным образом, проведение эффективного и адекватного досуга.

Пропаганда здорового образа жизни несет за собой ряд очень важных положительных тенденций: снижается заболеваемость (уменьшаются затраты на лечение и выплаты инвалидам); повышается социальная активность людей (как результат повышение доходов граждан и налогов для государства); укрепляются и улучшаются семейные отношения; уменьшается наличие или полностью отсутствуют вредные привычки (а с ними и девиантное поведение); улучшается психологический климат в обществе (снижается уровень стресса, раздражительности, переживаний).

Формирование здорового образа жизни через досуг — наиболее всеобъемлющая форма пропаганды, которая может провести государство. И это не только спортивные мероприятия на стадионах и в парках отдыха, но и культурно-массовые мероприятия, выставки и фестивали. Все это позволяет не просто восстановить физические

и духовные силы, но также способствует формированию необходимых ценностных установок, жизненных ориентаций, популяризирует дефицитные направления деятельности и развития человека. Причем, через досуговые мероприятия можно адресно воздействовать на самые разные группы населения.

Таким образом, здоровый досуг — развивающий досуг. Эффективное восстановление физических и духовных сил человека может происходить только через правильно подобранные в соответствии потребностям формы досуга, способы взаимодействия людей. Это времяпровождение, направленное на приобретение новых полезных навыков, знаний и умений. Кроме того, это эффективное и конструктивное использование свободного времени с пользой для души и тела и без вреда для окружающих. Жизнь в гармонии с собой, своим телом и окружающим миром — это здоровый образ жизни.

В выборе видов досуговой деятельности особенно ярко отражается уровень развития личности, её направленность, степень формирования жизненной позиции. И здесь проявляется обратная связь — чем ответственнее используется свободное время, тем целенаправленнее и быстрее формируется жизненная позиция личности. Безусловно, современное общество нуждается в социально активном типе личности, формирование которого зависит от досуга. Важным становится его регулирование, предполагающее развитие потребностей, интересов молодой личности и создание морально-психологических, материальных, организационных и технологических условий для их удовлетворения в сфере досуга. Лично регулируемое свободное время основано на принципах интенсификации, предвидения и планирования, требует учёта качества, переформулирования целей, экономии времени и т. п.

Из всего вышеперечисленного важно подчеркнуть насколько взаимопроницаемы эти два явления. Здоровый образ жизни подразумевает выбор грамотных, эффективных форм досуга. Досуг же в свою очередь является формообразующей составляющей для выбора поведенческих моделей и социализации личности. Очень важно развивать оба явления одновременно. Это должно отразиться и в качественном исполнении, пропаганде (социальной рекламе, социальных акциях) и в количественном, в частности, в доступности «высоких» форм досуга для большинства граждан.

Культура досуга — неотъемлемая, важная и формообразующая составляющая здорового образа жизни. К сожалению, в современном российском обществе только начинают свое восстановление система культурно-досуговых и культурно-оздоровительных мероприятий,

расширяются формы и виды отдыха с использованием передовых инновационных технологий и успешных примеров зарубежных стран. Развитие человеческой цивилизации создает все больше возможностей, причин и поводов для самосовершенствования личности, в том числе и посредством содержательного досуга и формирования здорового образа жизни. Однако, реализация этих возможностей не осуществляется автоматически, она зависит от конкретных экономических и социально-политических условий, которые могут, как содействовать этим возможностям, так и противодействовать им. Поэтому актуальной задачей является оптимизация условий формирования здорового образа жизни и культурно-содержательного досуга всех членов общества. Решающую роль в реализации этих задач призваны сыграть система образования и культурная политика государства.

Список литературы:

1. Большая советская энциклопедия: В 30 т. М.: «Советская энциклопедия», 1969—1978.
2. Гончаров М. Эмоциональное здоровье — главная причина благополучия или 10 полезных привычек // Психологи: сайт. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.b17.ru/article/emotional_health_-_10_tips/ (дата обращения 10.04.2015).
3. Изуткин Д.А. Формирование здорового образа жизни. // Советское здравоохранение. — 1984. — № 11. — с. 8—11.
4. Каган М.С. Философия культуры:/ М. Каган // сб. трудов. СПб, 1996. — С. 78.
5. Котельникова Н.В. Инновационные тенденции в сфере молодежного досуга в современной России. Социология культуры, духовной жизни: Автореф. дис. канд. социол. наук. Ставрополь: Ставропольский гос. ун-т, 2003. — С. 19—20.
6. Мартыненко А.В., Валентик Ю.В., Полесский В.А. и др. Формирование здорового образа жизни молодежи. М.: Медицина, 1988.
7. Пономаренко В.А. Психология духовности профессионала.; под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 1994
8. Стрельцов Ю.А. Социальная педагогика досуга. М., 2005. — с. 78.
9. Суртаев В.Я. Социология молодежного досуга/ В.Я. Суртаев. СПб., Ростов-н/Д.: Изд-во «Гефест», 1998. — С. 28.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: СИМВОЛ И ДЕЙСТВИЕ

Потапова Ксения Игоревна

аспирант кафедры социальной философии, департамента философии, института социальных и политических наук, Уральского Федерального Университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина, РФ, г. Екатеринбург
E-mail: potapovaksu@yandex.ru

SOCIAL REALITY: SYMBOL AND ACTION

Potapova Ksenia

postgraduate student, social philosophy department, philosophical department, institute of social and politic sciences, Ural Federal University of the first president of Russia B.N. Yeltsin, Russia, Yekaterinburg

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию социальной реальности в рамках теории интеракционизма. Наделяя действительность особым характером — символическим — данная концепция обозначает ряд феноменов, таких как структура Я в социальном, взаимодействие, выразимое в понятии коммуникации и проч., анализ которых и предложен в настоящей статье.

ABSTRACT

The article is devoted to investigation of social reality within the confines of interactionism's theory. Believing that our reality has symbolic character, proponents of this theory raise some problems: there are "I am-structure" in the social world, interaction that is expressible in communication. Analysis of these issues is presented in this article.

Ключевые слова: социальная реальность; символический интеракционизм; взаимодействие; коммуникация; общение; социальный феномен.

Keywords: social reality; symbolic interactionism; interaction; communication; social phenomenon.

Социальное взаимодействие разворачивается в некотором поле смыслов и символов, принятом нами как реальность. Это не просто совокупность вещей, людей и отношений между ними, не столько сумма, сколько основа и результат взаимных действий и реакций. Она формируема людьми для собственного существования в мире друг с другом и обусловлена всеобщностью понимания и смыслополагания. Это не просто оторванный метафизический конструкт, но мир людей, окружающий нас, мир созданный и дополняемый каждым из нас, тем не менее данный нам: рождаясь, человек уже попадает в определенную среду со своими «правилами»; не он ее задает изначально, но принимает, усваивает существующие принципы — социализируется, то есть постепенно вырастает до «полноценного» члена общества.

Несмотря на единство социального, между людьми могут возникнуть (и возникают) разногласия даже тогда, когда формальные (языковые) барьеры понимания преодолены. Причиной может выступать как разница культурных традиций (если мы принимаем и учитываем этот момент, и, как писал Р. Декарт «следуем обычаям страны» [Здесь имеются в виду правила морали, представленные Р. Декартом вместе с правилами метода в трактате «Рассуждение о методе...» [1, с. 254], вживаемся в среду, острота конфликта будет снята), так и личностная разница, восприятия и понимания. Однако мы существуем и действуем в рамках некоторой смысловой сети, созданной людьми же, постоянно дополняющейся, то есть открытой системы, в рамках которой все мы функционируем. Сама она носит искусственный, договорной характер; только тогда наше действие может быть выполнено (при обращении к Другому, если говорить о совместном делании) или понято и критически оценено, когда правила «этой игры» четко установлены и закреплены: мы обозначили некие общие точки, грамматику и синтаксис взаимодействия для его воплощения, мы наделили мир смыслом и выразили его в символе для понимания друг друга. Здесь мы говорим о реальности, объединяющей индивида и общество в целом, о действительности, единой в человеческом взаимодействии. Каким же образом оно осуществляется? Согласно сторонникам теории символического интеракционизма, Дж. Миду и Ч. Кули [2], нормальный вариант человеческого взаимодействия — это обмен между людьми значащими жестами (жест — мельчайший элемент человеческой деятельности), то есть процесс, при котором мы пытаемся повлиять на сознание Другого. Эти жесты содержат в себе некоторые значения, которые надо передать от одного сознания к Другому. Чтобы быть переданными кому-то, в моем сознании должна присутствовать некая установка, то, что я хочу передать. Более того, мое сознание имеет

собственную установку (Я как объект для самого себя, понимаемый при взаимодействии с Другим в социальной среде и посредством него). Совокупность установок суть символ, использующийся в значащих жестах. Важнейшие из символов представлены в языке. Именно язык является первейшим и основным фактором человеческого взаимодействия, «все люди создаются в разговорах» [3, с. 143], — считают интеракционисты: если нет языкового общения, то не может быть и взаимодействия как такового. При общении индивиды как бы обмениваются символами. Чтобы интеракция (взаимодействие) продолжалась, каждый вовлеченный в нее должен еще и истолковывать намерения других с помощью принятия роли интерпретатора. Это «чистое» взаимодействие подразумевает связь «работы» говорящего и «исполнения» воспринимающего в рамках общего времени-пространства. Само же общение есть обмен взаимопонятными символами с целью достижения практических результатов в совместной деятельности.

Более того, именно в результате взаимодействия человек конструирует собственное Я: индивидуальное Я подобно зеркальному отражению, совершая действия, направленные на других людей, мы получаем реакцию, выражаемую также в действии, касательно нас самих, вглядываясь в эту систему отображения собственных актов, мы узнаем нас самих. Наше Я формируется в контакте благодаря: 1) мнению окружающих о нас; 2) нашей оценке этого мнения; в итоге 1 и 2 мы заключаем о себе, говорим о 3) выводах на уровне свойств личности. Дж. Мид дополняет эту концепцию, предложенную Ч. Кули: в работе «Разум, я и общество» [3, с. 173] он выделяет две подсистемы нашего Я: I и Me. По Миду, “I” — это реакция организма на установки других, “Me” есть набор установок других, которые мы принимаем. Дж. Мид называет “I” и “Me” фазами «Я» исходя из того, что для того, чтобы принадлежать сообществу, человеку обязательно принять установку других членов, но чтобы мыслить он должен пользоваться социальным миром, перенесенным внутрь его. «Для полного самовыражения Я существенны оба аспекта — как “I”, так и “Me”» [3, с. 193]. В данной концепции «I» предстает как индивидуальность, “Me” — как личность. Индивидуальность не схватывается, она изменчива и связана со способностью человека к настоящим переменам по собственной воле; личность же (сравни «личина») человека может быть описана и изучена: это конструкт, созданный при взаимодействии с Другими. Но не она, а именно «I» есть импульс, подталкивающий человека к действию. Однако, рефлексировав о конкретном действии, совершенном мной, вспоминая его и оценивая, анализируя, Я, прошлое, совершавшее действие, предстает мне же как

“Ме”, ибо только в сейчас есть целостное Я, а память обладает частичным Я, как Я когда-то.

Осмысленное поведение человека в окружающей его среде (социальности) выразимо понятием акта — диалога между индивидами, постоянного, непрерывающегося обмена установками и действиями между ними. Автор дает следующее определение: это «продолжающееся событие, состоящее в стимулировании, реакции и результате реакции» [3, с. 225]. Сам акт есть нечто целостное, состоящее из отдельных фаз. Автор выделяет четыре фазы в каждом акте:

1. Импульс — побуждение к действию, связанное с внешней средой.

2. Перцепция — интерпретация, обработка сознанием полученной информации (обработка импульса, придание значения).

3. Манипуляция — деятельность в окружающей реальности на основе имеющихся значений (2), собственно ответ на импульс.

4. Консуммация — потребление полученных результатов и включение нового опыта в систему перцепций.

Таким образом, мы имеем достаточно четкую аналитическую структуру социального взаимодействия, представляющую формирование как его элементов так и их взаимозначимость (связь) в рамках социальной реальности. Безусловно, данная система имеет отпечаток бихевиоризма с применением схемы стимул-реакция, о чем писал еще А. Шюц в «О множественных реальностях» [4, с. 418], однако, несмотря на все противоречия и преемственность психологизма, Дж. Мид совершил попытку структурирования реальности, выделив «виды Я», а также обозначив зоны действия: манипулятивной, потенциальной и проч.

Список литературы:

1. Декарт Р. «Рассуждение о методе...» и другие произведения, написанные в период с 1627 по 1649 годы / Р. Декарт; М.: Академический проект, 2014. — 328 с.
2. Кули Ч. «Человеческая природа и социальный порядок» / Ч. Кули. М.: Идея — пресс, адрес обращения [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://royallib.com/book/kuli_charlz/chelovecheskaya_priroda_i_sotsialniy_poryadok.html, дата обращения 19.03. 2015.
3. Мид Дж.Г. Избранное: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В. Г. Николаев. Отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2009. — 290 с.
4. Шюц А. Мир, светящийся смыслом / А. Шюц; пер. с нем. и англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. — 1056 с.

3.2. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ДЭВИДА ЮМА

Зеленский Олег Александрович

*канд. филос. наук, старший преподаватель
Московского государственного университета экономики,
статистики и информатики (МЭСИ),
РФ, г. Москва
E-mail: zelenskiy87@yandex.ru*

THE HISTORICAL BACKGROUND OF DAVID HUME'S MORAL PHILOSOPHY

Zelenskiy Oleg

*PhD, senior teacher of Moscow state university of Economics,
Statistics and Informatics (MESI),
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются основные философские идеи, которые повлияли на формирование моральной философии Дэвида Юма. Среди них — эмпирический метод И. Ньютона, моральный эгоизм Т. Гоббса, этический рационализм и теория морального чувства. Рассмотрена также реакция Юма на эти идеи.

ABSTRACT

This article deals with the main philosophical ideas, which had influence on creation of David Hume's moral philosophy. There were I. Newton's empirical method, T. Hobbes' moral egoism, ethical rationalism and moral sense theory among them. Hume's reaction on such ideas has been also discussed.

Ключевые слова: Дэвид Юм; эмпирический метод; моральный эгоизм; этический рационализм; теория морального чувства.

Keywords: David Hume; empirical method; moral egoism; ethical rationalism; moral sense theory.

Главное сочинение Д. Юма «Трактат о человеческой природе» имело подзаголовок «Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам». Отмечая, что его философия призвана взять «столицу» всех наук, человеческую природу, вместо того, чтобы «занимать пограничные замки и деревни» [4, с. 56], Юм попытался распространить главные принципы ньютоновской физики на изучение морали. Юм следует ньютоновским идеалам экспериментальной философии. Одним из наиболее значимых положений его философии становится выведение всех законов на основе явлений; ньютоновское «гипотез не измышляю» обыгрывается различными способами, например: «несомненно, что мы не можем выходить за пределы опыта и всякая гипотеза, претендующая на открытие наиболее первичных качеств человеческой природы, сразу же должна быть отвергнута как самонадеянная и вздорная» [4, с. 57—58]. Юм также опирается на такой важный эмпирический принцип как «принцип простоты», идущий от «бритвы Оккама» и упомянутый в качестве первого правила умозаключений в физике в третьей книге «Начал» Ньютона. Нужно открыть наименьшее количество принципов, к которым могут быть сведены явления, продвинувшись «настолько далеко, насколько позволяют нам наши способности» [4, с. 660]. Пользуясь ньютоновским экспериментальным методом, Юм выделяет впечатления и идеи в качестве главных единиц анализа, а в качестве главного действующего принципа принцип ассоциации.

Одним из главных вопросов моральной философии той эпохи был вопрос о том, что является источником моральных различий — разум или чувство. Этот вопрос Юм переформулирует в начале третьей книги своего сочинения следующим образом: «пользуемся ли мы своими идеями или впечатлениями, различая порок и добродетель и признавая какое-нибудь действие заслуживающим порицания или похвалы» [4, с. 498], добавляя, что «теории всех, кто утверждает, что добродетель есть не что иное, как согласие с разумом, ... сходятся в том, что нравственность, как и истина, распознается лишь через посредство идей» [4, там же]. Теорию, согласно которой источником моральных различий выступает разум, защищали С. Кларк и Дж. Локк (С. Кларк считал, что выявление моральных различий носит априорный характер, а Дж. Локк защищал идею о том, что они происходят из эмпирического размышления).

Моральное чувство понималось в качестве доминирующего элемента в учениях Шефтсбери, Хатчесона и Дж. Батлера.

Д. Юм также обращается к учению Т. Гоббса как мыслителю, который попытался построить свою социально-философскую систему на мотивах себялюбия (Юм называет его и Дж. Локка философами, которые «поддерживали эгоистическую систему морали» [3, с. 291]). И действительно, Гоббс замечая, что в естественном состоянии «понятия правильного и неправильного, справедливого и несправедливого... не имеют места» [1, с. 97], видит выход в естественном законе, который основывается на самосохранении. Юм скептически относится к подобному подходу: можно, конечно, все проявления морали вывести из интересов эгоистичного самосохранения, но это слишком упрощенная гипотеза, которая не согласуется с «тысячами... примеров... всеобщей благожелательности человеческой природы» [3, с. 295]. В этом пункте и в принятии существования естественных добродетелей, т.е. «добродетелей, которые совершенно естественны и совсем не зависят от ухищрений и установлений людей» [4, с. 611], Юм явно расходится с позициями, подобными Гоббсу и Мандевиллю. Однако точка зрения Юма на подобного рода идеи гораздо сложнее, чем простое отрицание. Это наиболее наглядно в его трактовке справедливости как искусственной добродетели. Эти добродетели имеют смысл только «для человека, живущего в цивилизованном обществе и сформированного определенной дисциплиной и образованием» [4, с. 521]. Кроме того, говоря об искусственных добродетелях, Юм указывает, что люди должны предварительно руководствоваться соответствующим мотивом к их совершению. Но почему нельзя действовать справедливо, не обладая каким-то специальным мотивом, а опираясь лишь на уважение к справедливости и презрение к низости? Юм отвергает эту возможность, поскольку без наличия соответствующего мотива будет неясно, почему этот поступок должен быть назван добродетельным или порочным, а соответственно, почему нужно уважать совершение подобных действий [4, с. 519]. Простое уважение к справедливости может возникнуть только после того, как человек представляет, в чем заключена справедливость и почему. Будучи не в силах найти источники мотивов справедливых поступков в человеческой природе, Юм приходит к выводу о том, что этот источник имеет искусственный характер. Не прибегая к гоббсовским крайностям «войны всех против всех», Юм тем не менее объясняет появление справедливости вызванным недостатком безопасности и продиктованным выгодами, которые люди получают при наличии

такой безопасности [1, с. 96; 4, с. 529 сл.]. Таким образом, не признавая происхождения всей морали из эгоизма людей, Юм все же вынужден отметить, что справедливость имеет в качестве одного из важнейших источников человеческий эгоизм [4, с. 535].

Обращаясь к идеям этических рационалистов, остановимся подробнее на взглядах Р. Кедворта и С. Кларка. Р. Кедворт и С. Кларк попытались развить идею о том, что мораль логически предшествует воле Бога. Р. Кедворт хотел показать, что Бог, несмотря на то что выступает в качестве движущей и целевой причин вещей, не может быть их формальной причиной, т. к. «всемогущая воля не может сделать вещи схожими или равными одна другой без природ схожести и равенства» [6, с. 72]. С. Кларк, развивая эту идею, предложил теорию вечных моральных отношений, не заданных Богом. Как он утверждал, «есть... определенные необходимые и вечные различия вещей, и определенные следующие из этого соответствия или несоответствия в применении различных вещей или различных отношений одно к другому» [6, с. 79]. Мишенью критики авторов теории моральных отношений выступало учение Гоббса: не признавая различий между добром и злом в существе вещей, оно как бы превращало их в произвольные категории. В основе теории моральных отношений лежало учение другого важнейшего английского мыслителя — Джона Локка, который, несмотря на свой эмпиризм в теории познания, был скорее близок к рационалистам в своих представлениях о морали. Этическое учение Локка не было представлено каким-то отдельным сочинением, скорее отдельные идеи были разбросаны по разным отрывкам «Опыта о человеческом разумении», прежде всего во 2 книге. Локк предлагает идею особых моральных отношений в 28 главе 2 книги. Согласно этой идее, моральное отношение определяется как «согласие или несогласие сознательных действий людей с правилами, к которым эти действия относятся и по которым судят о них» [2, с. 404]. В качестве таких нравственных правил и законов, с которыми должны соотноситься наши действия, выделяются законы божественные, гражданские и законы общественного мнения, причем выше всех остальных божественный закон, который Локк называет «единственным пробным камнем *строгой нравственности*» [2, с. 406]. Не отвергая, что в некоторых случаях представления о добре и зле у разных народов могут отличаться, Локк далек от мысли об их произвольности. Он защищает идею о том, что «добродетель и порок всюду в значительной мере соответствуют неизменяемому правилу правды и неправды, которое установлено божественным законом» [2, с. 408]. Безусловно, что многие идеи

Локка были положены в основу морального учения С. Кларка, хотя и различия были не менее существенными: Локк соединил моральные нормы с волей Бога как верховного законодателя, в то время как Кларк пытался показать, что нормы морали должны стоять над чьей-либо волей.

Д. Юм не принял теории вечных моральных отношений и подверг ее критике в своем «Трактате о человеческой природе», включая знаменитый параграф о различии между «есть» и «должно». Д. Юм хочет показать, что невозможно установить эти вечные априорные отношения (Юм отвергает возможность установления каких-либо отношений независимо от опыта [4, с. 507]), а если бы это было возможным, то оставалось бы непонятным, на чем основывается их всеобщая сила и обязательность. Если мораль действительно строится на таких общеобязательных вечных правилах, то они должны существовать еще до того, как наш разум их открывает, т. е. они должны распространяться в равной степени и на живую, и на неживую природу, однако этого не происходит [см. пример Д. Юма о кровосмешении — 4, с. 509].

Важную помощь в критике этического рационализма Юмом оказали идеи теоретиков морального чувства, прежде всего Хатчесона. Влияние Хатчесона на Юма действительно трудно переоценить, и некоторые исследователи даже подчеркивают, что юмовское учение о морали — всего лишь более ясное и четкое изложение тех направлений мысли, которые были заложены еще Хатчесоном [5, с. 19]. Сам Юм очень высоко оценивал учение Хатчесона: в предисловии к первому изданию «Исследования о человеческом познании» он отмечает влияние «наиболее убедительных аргументов» Хатчесона, которые доказывали отношение морали к сфере чувства, а не к сфере «абстрактных отношений вещей» [5, с. 7]. Изучение влияния школы морального чувства на идеи Д. Юма — вопрос непростой и заслуживающий более подробного исследования, и здесь стоит остановиться только на самом главном, что взял Юм для своей теории. Именно у Хатчесона Юм принял сравнение моральных качеств со вторичными, ряд аргументов о том, что разум не является источником как морального различия, так и морального действия, также были взяты у Хатчесона. Однако между хатчесоновской и юмовской теориями все же существовали различия в подходах: для Хатчесона моральная теория происходила из естественной теологии, в то время как Юм постарался в своей моральной теории развить наиболее последовательно метод экспериментальной философии.

Учение Д. Юма возникло не на пустом месте. Он был философом своего времени, ответившим на философские вызовы своей эпохи.

Склоняясь больше к теории морального чувства, он попытался наиболее последовательно развить ее, руководствуясь принципами ньютоновского естествознания.

Список литературы:

1. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского// Гоббс Т. Сочинения в 2 томах. Т. 2. М.: «Мысль», 1991.
2. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении// Локк Дж. Сочинения в 3 томах. Т. 1. М.: «Мысль», 1985.
3. Юм Д. Исследование о принципах морали// Юм Д. Сочинения в 2 томах. Т. 2. М.: «Мысль», 1996.
4. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Сочинения в 2 томах. Т. 1. М.: «Мысль», 1996.
5. Capaldi N. Hume's Place in Moral Philosophy. New York etc., 1989.
6. Tweyman S. Reason and Conduct in Hume and his Predecessors. The Hague, 1974.

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ

4.1. ИСТОРИЯ РОССИИ

СЕЛЬСОВЕТЫ ЯКУТИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (В КОНТЕКСТЕ ЧАСТНОЙ ПАМЯТИ)

Винокуров Александр Данилович

лаборант ИГиИПМНС СО РАН,

РФ, г. Якутск

E-mail: ad.vinokurov@gmail.com

SELSOVIET (RURAL COUNCILS) OF YAKUTIA IN THE SECOND WORLD WAR (IN THE CONTEXT OF PRIVATE MEMORY)

Alexander Vinokurov

*assistance researcher of The Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North,
Russia, Yakutsk*

АННОТАЦИЯ

Цель исследования состоит в анализе организационной и мобилизационной работы сельсоветов в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. на основе архивных данных и свидетельств очевидцев. Задачи заключаются в освещении содержания, основных направлений административной работы сельсоветов в годы военного лихолетья. В статье автор обращается к методам устной истории при обработке и интерпретации аудиовизуальных документов. В результате исследования показано значение деятельности местных

органов власти Якутской АССР в области мобилизации, социального обеспечения, образования и здравоохранения.

ABSTRACT

The purpose of the study is to analyze the organizational and mobilization work of selsoviet (rural councils) in the Second World War based on historical and oral history data. Task is to highlight the content, the main directions of the administrative work of rural councils in the war years. The author refers to the methods of oral history in the processing and interpretation of audiovisual documents. The study shows the importance of local authorities in the Yakut ASSR mobilization, social welfare, education and health.

Ключевые слова: сельсоветы; мобилизация; социальное обеспечение; местное самоуправление; воспоминания; семейные архив.

Keywords: selsoviet (rural councils); mobilization; social welfare; local government; memories; family archive.

В данной статье представлена информация о деятельности сельсоветов на материалах видеовоспоминаний 30 ветеранов войны и тыла 1919—1925 г.р., являющихся уроженцами Сунтарского, Нюрбинского, Верхневилуйского, Вилуйского, Хангаласского, Намского, Усть-Алданского, Чурапчинского, Таттинского и Амгинского районов Республики Саха (Якутия). В воспоминаниях информантов содержатся ценные сведения об организационной, хозяйственной, мобилизационной, социальной, культурной и образовательной деятельности наследных сельсоветов Якутской АССР в годы Великой Отечественной войны.

Автором исследования реализуется историко-мемориальный проект «Албан аат» (в пер. с якут. яз. «Имена Победы») по адресу www.pobeda14.ru, посвященный сбору и записи воспоминаний фронтовиков и тружеников тыла. На данный момент собрано более 1000 рукописных воспоминаний по категориям: фронтовики, ветераны тыла и дети войны. Сформирован виртуальный аудиовизуальный архив, включающий 486 видеовоспоминаний, 187 аудиовоспоминаний, записанных в рамках проекта, и 329 уникальных фотоснимков сделанных в годы войны. Все регламентные работы по хранению и систематизации аудиовизуальных материалов ведутся по методике В.М. Магидова [3, с. 215]. На сайте размещена только текстовая версия воспоминаний. Информационный инструментарий для проведения анализа воспоминаний скрыт от пользователей.

По заявкам ветеранов и их детей осуществляется изучение, определение научной ценности и оцифровка семейных архивов.

При необходимости производятся реставрационные мероприятия по сохранению сохранности документов. Автоматизированная система сайта позволяет реализовать полный цикл приема, систематизации и хранения аудиовизуальных документов от населения.

В настоящее время ведется источниковедческая работа по определению научной ценности воспоминаний, археографической обработке, систематизации и составлению описи материалов виртуального технотронного архива. Использование сведений устных исторических источников при написании рукописи кандидатской диссертации и их интерпретация производятся согласно практическим рекомендациям и методическим материалам, разработанным Т.К. Щегловой [4, с. 163].

В течение 2014 г. была разработана авторская методика записи воспоминаний ветеранов войны и тыла на русском и якутском языках, существенно доработанная в марте 2015 г. на основании практических рекомендаций сотрудников сектора истории Якутии института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. В ноябре 2014 г. в Амгинском и Намском улусах РС (Я) были апробированы опросники, состоящие из блоков, посвященных довоенной жизни, коллективизации, организации помощи фронту и трудовым будням в годы войны, повседневной жизни семьи в годы военного лихолетья, образованию и культуре. Все воспоминания фиксируются на видеокамеру, диктофон и в экспедиционный журнал.

В качестве исторического источника о деятельности сельсоветов в годы Великой Отечественной войны в научный оборот введены ранее неопубликованные мемуары и сборники воспоминаний фронтовиков, ветеранов тыла и детей войны. Например, в декабре 2014 г. был обработан и подробно изучен семейный архив семьи Кириллиных: производится подготовка к передаче на постоянное хранение в Национальный архив РС (Я) оцифрованного личного фонда М.К. Кириллина. В годы военного лихолетья, будучи секретарем Чакурского сельсовета, М.К. Кириллин по своей инициативе начал вести работу по сбору информации об ушедших на фронт односельчанах. На основании анализа материалов личного фонда можно выделить три раздела: рукописи и материалы, собранные для краеведческой работы (выписки из архивных документов, публикаций и фотоматериалы); письма фронтовиков (эпистолярный материал); биографические материалы и анкеты. К первому разделу наследия М.К. Кириллина относятся неопубликованные рукописи. Основным объектом его исследований является изучение фронтового пути

односельчан и повседневной жизни населения Чакурского наслега Чурапчинского улуса в годы войны [1, с. 242].

Согласно воспоминаниям 24 респондентов проекта 1919—1925 г.р., в годы войны сельсоветы играли ключевую роль в организации административного управления и хозяйственной жизни наслега, в том числе отмечается существенно возросшая роль женщин, заменивших ушедших на фронт мужчин — председателей, секретарей и депутатов сельсоветов.

В сфере деятельности сельсоветов был контроль над работой колхозов. При сельсоветах работали постоянные сельскохозяйственные комиссии. Фронтовик Еремей Михайлович Скрябин, уроженец I Жемконского наслега Орджоникидзевского района в 1936—1938 гг. работал бригадиром в колхозе «Сырдаты» (в пер. с якут. яз. «Просвещение»). После окончания 1939 г. в Якутске курсов бригадиров был принят заместителем председателя сельсовета по вопросам сельского хозяйства и осуществлял контрольную деятельность за ходом сельскохозяйственных кампаний.

В годы военного лихолетья сельсоветы осуществляли мобилизационную работу среди колхозников. Респонденты проекта участники Великой Отечественной войны И.Е. Ефремов (1923 г.р., Нюрбинский район) и Н.С. Николаев (1919 г.р., Вилюйский район) до призыва на фронт работали секретарями наслежных сельских советов. В их обязанность входила доставка повесток, организация проводов и доставки призывников в сборные пункты.

Краевед Михаил Капитонович Кириллин, уроженец Чурапчинского района, будучи секретарем Чакурского сельсовета, в годы военного лихолетья принимал непосредственное участие в мобилизационных мероприятиях и начал вести работу по сбору информации об ушедших на фронт односельчанах. После войны и до самой смерти в 1994 г. он продолжил сбор информации, переписку и исследовательскую работу в архивах Чурапчинского района, Национальном архиве РС (Я), архиве Военного комиссариата РС (Я) и Военного архива Министерства обороны РФ в г. Подольск [1, с. 243]. На основании собранного материала М.К. Кириллин в 1979 г. начал написание подробных биографий каждого участника боевых действий и трудового фронта Великой Отечественной войны. Рукопись «Биографии участников Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. из Чакурского наслега Чурапчинского района» была завершена в 1988 г., но в силу разных обстоятельств не была издана [2, с. 3].

В годы войны районные отделы по государственному обеспечению совместно с наслежными сельсоветами занимались обеспе-

чением семей военнослужащих ежемесячным пособием или пенсией семьям погибших бойцов. Александра Тимофеевна Николаева в тринадцатилетнем возрасте в период с 1942—1943 гг. вместе с престарелым председателем Усть-Таттинского сельсовета развозили пособия семьям красноармейцев и почту на территории 45 км, охватывавшей участки «Кырамда», «Чуппу», «Киэн-Куель» и «Кубалаах».

Тридцать информантов вспоминают, что с началом войны партийные и советские органы власти развернули масштабную пропагандистскую и разъяснительную работу среди населения. С разной периодичностью районы и наслеги посещали лекторы и партийные работники из районных центров и Якутска. Два информанта, Г.А. Неустроев и А.С. Софронов, подчеркнули, что для населения регулярно доводилась информация о боевых действиях и сводки о положении в советском тылу. В 1941—1945 гг. несмотря на войну, в школах не был прерван учебный процесс. Наследные сельсоветы производили ремонт школ, подвоз дров и оказывали помощь учащимся продуктами, теплой одеждой, канцелярскими принадлежностями.

Таким образом, воспоминания информантов и семейные архивы имеют большую историческую и практическую значимость. Именно в них зафиксированы возможности реконструкции истории повседневной жизни (деятельности, быта, питания и т. д.) населения Якутской АССР в годы Великой Отечественной войны.

Список литературы:

1. Винокуров А.Д., Кириллина М.А. Обзор рукописей и личных документов краеведа М.К. Кириллина о Великой Отечественной войне // Сибирские архивы в научном и информационном пространстве современного общества: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Новосибирск, 11 марта 2015 г). Новосибирск: ..., 2015. — С. 237—241.
2. Кириллин М.К. Аба дойдуну көмүскүүр Улуу Сэриигэ 1941—1945 сылларга ыннырыллан сэрии уонна үлэ фронугар сылдыбыттар биографиялара. Чурапчы оройуона Чакыр нэһилиэгиттэн. 1988 (рукоп.).
3. Магидов В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: РГГУ, 2005. — С. 217—231.
4. Щеглова Т.К. Устная история: учебное пособие. Барнаул, АлтГПА, 2010. — 364 с.

РОССИЯ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

Мельникова Лариса Александровна

*канд. пед. наук, старший научный сотрудник
научно-исследовательского отдела*

*Уральского Юридического института МВД России,
РФ, г. Екатеринбург*

E-mail: larismelnikova@yandex.ru

RUSSIA AND THE FAR EAST AT THE TURN OF XIX—XX CENTURIES

Larisa Melnikova

*candidate of Pedagogical Sciences, senior Research Scientist
of the Scientific Research Division, Ural Juridical Institution
of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Russia, Ekaterinburg*

АННОТАЦИЯ

В освоении Россией Дальнего Востока на рубеже XIX—XX веков можно выделить экономический, культурный, политический и военно-стратегический аспекты. Строительство Транссибирской магистрали, переселенческая политика, появление крупных городов стали основой экономического и культурного развития Дальнего Востока. Строительство китайской восточной железной дороги и аренда Порт-Артура были направлены на укрепление военно-стратегического положения России в регионе.

ABSTRACT

Economic, cultural, political and military-strategic aspects can be distinguished in the digest of the Far East by Russia at the turn of XIX—XX centuries. The construction of Trans-Siberian Railway, immigration policy, the appearance of large cities have become the basis of economic and cultural development of the Far East. The construction of the Chinese Eastern Railway and the lease of Port Arthur were aimed at strengthening the military-strategic position of Russia in the region.

Ключевые слова: Дальний Восток; Транссибирская магистраль; Китай; китайская восточная железная дорога; Порт-Артур.

Keywords: the Far East; Trans-Siberian Railway; China; Chinese Eastern Railway; Port Arthur.

В освоении Россией дальневосточного региона на рубеже XIX—XX веков можно выделить следующие аспекты: экономический, культурный, политический и военно-стратегический. Очевидно, что обозначенные аспекты тесно взаимосвязаны друг с другом. Тем не менее, на определенном этапе продвижения России на Восток правительством ставились приоритетные для развития дальневосточного региона задачи. К примеру, строительство Транссибирской магистрали, переселенческая политика, появление крупных городских центров, таких как Хабаровск и Владивосток стали основой экономического и культурного развития Дальнего Востока. Вместе с тем, заключение соглашения с Китаем о строительстве китайской восточной железной дороги и аренде части Лаодунского полуострова с целью создания в Порт-Артуре российской военно-морской базы было направлено на усиление экономического и политического влияния в Китае, а также укрепление военно-стратегического положения России на Дальнем Востоке.

Освоение Россией Дальнего Востока было сопряжено с рядом трудностей: слабая заселенность территории, отсутствие развитой инфраструктуры. Кроме того отдаленность региона от центра осложняла его защиту в случае военной агрессии со стороны иностранных государств. В связи с этим во второй половине XIX века правительство России приступило к активному проведению переселенческой политики, а также к строительству Транссибирской магистрали. Еще в 1849 году был создан особый комитет, который занимался вопросами оказания помощи переселенцам. Население на восточных окраинах Российской империи формировалось на основе трех основных этнических групп: восточнославянское население, местные (коренные) народы и иммигранты сопредельных азиатских государств [6, с. 167].

В начале XX века 87 % процентов населения на Дальнем Востоке составили представители восточнославянских народов. Коренное население составляло незначительный процент проживающих. К началу XX века их численность сократилась и составила всего 3 %. Формирование населения Дальнего Востока в конце XIX — начале XX веков происходило, в том числе и за счет иностранной иммиграции из соседних азиатских государств. В начале XX века их численность составила 10 % [6, с. 168].

Несмотря на значительный процент корейского и китайского населения такие города как Хабаровск и Владивосток имели вид вполне русских городов. В конце XIX века Хабаровск превратился в экономический и культурный центр Дальнего Востока. В городе были построены Собор, каменные здания административных учреждений, реальное училище, женская гимназия, кадетский корпус. На берегу Амура раскинулся сад, в котором напротив слияния рек Амура и Уссури возвышался памятник первому администратору края Муравьеву-Амурскому.

За короткий срок активного строительства из небольшого поселения на берегу бухты Золотой Рог вырос красивый город Владивосток. В городе появилось большое количество казенных и частных зданий: морского собрания, городской управы, театра, управления уссурийской железной дороги, торгового дома «Кунст и Альберт», гостиницы «Тихий океан», восточно-китайского банка, почты и телеграфа. Однако этнический состав населения наложил отпечаток на облик городов Дальнего Востока. В конце XIX века китайцы и корейцы составляли почти единственную рабочую силу в этих городах. Данная категория населения продолжала жить своей обособленной жизнью, сохраняя привычный уклад. К примеру, в предместье Владивостока, в бухте Улисс располагалась корейская деревня. Корейцы проживали в лачугах из глины, промышляли рыбной ловлей на парусных лодках в Японском море. Несмотря на бедность, корейское население отличалось чистотой. Выбеленные мазанки, белые одежды мужчин и женщин были чисты и в праздники, и в будние дни. Тихие и трудолюбивые корейцы выполняли в городах самую тяжелую работу носильщиков, водоносов, перевозчиков. Многие занимались мелкой торговлей [1, с. 510—511].

Решение задач освоения Дальнего Востока было невозможно без строительства железнодорожной магистрали, способной в короткие сроки доставить в регион грузы и людей. В конце XIX века Россия приступила к строительству Транссибирской магистрали и китайской восточной железной дороги. Вопрос строительства китайской восточной железной дороги должен был решить не столько экономические, сколько геополитические задачи. КВЖД как часть Транссибирской магистрали проходила через территорию Китая с ответвлением до Порт-Артура. После заключения Симоносекского договора в 1895 году Китай открыл свою территорию для экономического иностранного вмешательства. В связи с этим во второй половине 1890-х годов в борьбу за Китай вступили такие крупные державы как Россия, Англия, Германия и Франция. Для России увеличение торгового

оборота с Китаем имело особое значение, так как от этого зависело снабжение Сибири и Дальнего Востока. В этот период главным соперником России в борьбе за Китай стала Англия. К 70-м годам XIX века Англия практически захватила южную Маньчжурию, вследствие чего России могла претендовать только на ее северную часть. Итогом переговоров между Англией и Россией стало подписание 16 (28) апреля 1899 года русско-английского соглашения о разграничении интересов в Китае. Интрига, развернувшаяся в Англии по поводу начала переговоров, завершилась 18 апреля 1899 года на банкете Академии художеств в Лондоне, на котором лорд Салисбюри сообщил, что «достигнуто удовлетворительное соглашение с русским правительством». Основным пунктом данного соглашения стало заключение железнодорожной конвенции, подтверждающей за Россией исключительное право железнодорожной деятельности в Маньчжурии, а Англии предоставлены такие же преимущества в долине Ян-Цзе-Кианга. Заключение англо-русского соглашения вызвало полемику в английской печати. Газета «Таймс» утверждала, что «состоявшееся соглашение послужит основой для дальнейших переговоров к удовлетворительному размежеванию интересов Англии и России на Дальнем Востоке». Выразителем иных взглядов на соглашение стала газета «Глобе», по мнению которой весь вопрос сводится к достижению превосходства английских сил над русскими. В связи с этим Англия не должна играть в Китае вторую роль, а всячески противодействовать продвижению России в Китай. Тем не менее, как отражалось в Российской печати того времени «к счастью цивилизованного человечества, чающего благ всеобщего мира, взгляды английских русофобов не вполне совпадают с намерениями британского правительства, а потому существует полная надежда на миролюбивое соглашение России и Англии на берегах Тихого океана» [4, с. 372].

Соглашение с Англией давало возможность Российскому государству продолжить строительство ветки Транссибирской магистрали через Маньчжурию. В 1895 году министру С.Ю. Витте заручился поддержкой Китая на строительство Транссиба через Маньчжурию к Владивостоку, а 16 августа 1897 года была совершена торжественная закладка дороги близ станции Полтавской, расположенной недалеко от границы Южно-Уссурийского края. Проект строительства китайской восточной железной дороги предполагал ее разделение на три отделения: восточное, западное, южное. Руководство строительством восточного отделения осуществлял инженер Н.С. Свячин, западным — инженер Н.Н. Бочаров, южным — инженер Г.Е. Гиршман. Общее руководство

осуществлял главный инженер А.И. Югович. Помощником главного инженера был назначен инженер путей сообщения С.Л. Игнациус. Техническая и механическая часть строительства были поручены инженеру Кожевникову, который находился в Харбине. Отделом речного пароходства и гужевого транспорта для доставки материалов заведовал инженер С.М. Ваховский, находящийся во Владивостоке. Вместе с тем к строительству железной дороги были привлечены более 150 инженеров и техников. Для наблюдения за состоянием здоровья рабочих была сформирована медицинская часть в составе 24 врачей и 76 фельдшеров. Возглавил медицинскую часть доктор Полетик. Специалисты по строительству нанимались в России, а простых рабочих набирали среди китайцев. В 1899 году на строительстве китайской восточной железной дороги трудились более 100 тысяч китайцев [3, с. 787].

Строительство китайской восточной железной дороги вызвало резко негативную реакцию Японии, которая также претендовала на территорию Китая. Особую остроту приняло соперничество России с Японией, претендующей на Ляодунский полуостров после японо-китайской войны (1894—1895 годы). В противостоянии с Японией для России было крайне важно создание военно-морской базы тихоокеанского флота у выхода из Желтого моря. В 1897 году такой базой стал Порт-Артур. В результате переговоров с местными властями в декабре 1897 года в Порт-Артур вступили русские войска. Договоренность с Китаем об аренде части Ляодунского полуострова с целью строительства там военно-морской базы была достигнута в 1898 году. Таким образом, Порт-Артур стал административным центром созданной Россией на Ляодунском полуострове Квантунской области.

Будущий город-крепость находился в котловине, окруженной горной цепью высотой до 200 м. Выгодность географического положения Порт-Артура в качестве будущей военно-морской базы объяснялась наличием в котловине продолговатой мелководной бухты, удобной для строительства гавани.

В начале 80-х годов XIX века Порт-Артур представлял собой небольшое поселение с 60—80 домами. В 1884 году китайское правительство приступило к строительству гавани для стоянки китайской эскадры. В строительных работах принимали участие европейские инженеры, а материалы для строительства поступали из Европы. До конца 1894 года Порт-Артур представлял собой лучшую военную гавань Китая, открытую для навигации круглый год. Вместе с тем в Порт-Артуре располагалось множество мастерских, осуществляющих ремонтные работы судов.

Однако Порт-Артур был недостаточно укреплен с суши, чем воспользовалась Япония, захватив город в 1894 году. Во время войны с Японией город сильно пострадал: дома были разрушены, население значительно сократилось.

Правительством России было принято решение закончить строительство крепости к 1909 году. Планировка учитывала местный ландшафт. Панорама города ограничивалась горной цепью, окружавшей город по периметру [2, с. 250].

В 1899 году на восстановление города русским правительством было выделено 11 миллионов рублей, что положило начало строительным работам по углублению рейда и удлинению дока. Кроме того было принято решение о строительстве госпиталя с церковью, дома для администрации и врачей, казармы и складов.

С появлением русских жизнь в городе оживилась. На улицах появились полицейские из китайцев в кофтах с широкими оранжевыми обшивками и в шапках с красным верхом. За службу они получали жалование — 12 руб. в месяц. В городе функционировали почта, банк, аптека, телефон, фотография, мировой суд, издавалась газета. 26 мая 1899 года состоялась закладка школы имени А.С. Пушкина.

Оживилась торговля. Появилось большое количество китайских магазинов, торгующих иностранными винами, сигарами, английскими мануфактурными изделиями и предметами первой необходимости. Однако цены на все товары были довольно высокие, так как все товары имели привозной характер. Мясо стоило 11 руб. 12 коп., фунт хлеба — 8 коп., птица — 30—40 коп., бутылка молока — 25 коп., масла почти не было.

На Ляодунском полуострове ничего не растет, вследствие чего сохранялись высокие цены на дрова. Отсутствие растительности на полуострове объясняется тяжелыми климатическими условиями: обильные ливни превращали местность в сплошной поток воды. Все это усугублялось отсутствием пресной воды [5, с. 693].

Тем не менее, как отмечалось в российской печати в этот период, получив в арендное пользование Порт-Артур, дающий свободный выход к Тихому океану великому Сибирскому пути, Россия стремилась со временем оживить и заселить эти пустынные мест. А пока приходится вести упорную борьбу с природой. Но избранные для этой миссии русские солдаты не раз справлялись с такой задачей. Всем известны выдержка и стойкость русского солдата, способного преодолеть все. А вслед за солдатами по проторенному крепкой солдатской грудью пути пойдут колонисты, и Дальний Восток постепенно сольется с Российской империей и заживет культурной жизнью [5, с. 694].

Список литературы:

1. Дальний Восток // Нива. — 1899. — № 27. — С. 510—512.
2. Касьянов Н.В. Российские города-крепости конца XIX — начала XX веков на побережье Тихого океана / Н.В. Касьянов // Вестник ВолГАСУ. — 2013. — № 31 (50). — С. 249—255.
3. Китайская восточная железная дорога // Нива. — 1899. — № 41. — С. 786—787.
4. Политическое обозрение // Нива. — 1899. — № 19. — С. 372—373.
5. Русские солдаты в Порт-Артуре // Нива. — 1899. — № 36. — С. 693—694.
6. Свицерская В.В. Государственная политика формирования населения на Дальнем Востоке во второй половине XIX — начале XX века: исторический опыт / В.В. Свицерская // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 3 (53). — С. 167—169.

ВЗГЛЯДЫ Н.А. СБОРОВСКОГО КАК ПРИМЕР НАЦИОНАЛ-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ТРАКТОВКИ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ СОВЕТСКИМ УЧЁНЫМ

Талапин Анатолий Николаевич

*канд. ист. наук, доцент Омского государственного
аграрного университета им. П.А. Столыпина,
РФ, г. Омск*

E-mail: anatolytalapin@rambler.ru

N.A. SBOROVSKY VIEWS AS AN EXAMPLE OF NATIONAL-PATRIOTIC INTERPRETATION OF THE FIRST WORLD WAR BY THE SOVIET SCIENTIST

Talapin Anatoly

*candidate of historical sciences, associate professor
of Omsk State Agrarian University P.A. Stolypin,
Russia, Omsk*

АННОТАЦИЯ

На примере взглядов известного сибирского учёного статья показывает ценность национальных интересов для советской интеллигенции.

ABSTRACT

On the example of views of the famous Siberian scientist article shows the value of national interests for the Soviet intelligentsia.

Ключевые слова: Первая мировая война; патриотизм; Сборовский.
Keywords: First World War; patriotism; Sborovsky.

Патриотизм — последнее прибежище негодяя
Самуэль Джонсон

Патриотизм всегда был необходимым элементом политической системы и одновременно излюбленным объектом критики всех недобровольных властью. Но, видя в нём лишь средство или инструмент, мы идём по пути упрощения. Особенно не везёт советскому прошлому. С падением СССР его создатели-марксисты были с радостью включены в число врагов России. С другой стороны, сам патриотизм подвергся либеральному остракизму. Быстрое разочарование в новых ценностях даёт возможность быть более объективным. Один из путей понимания прошлого — взгляды и оценки его создателей.

Забывтые учёные Сибири — люди на чьих плечах выростала наша наука. Эти люди не только формировали научные школы и воспитывали новые поколения специалистов и преподавателей, они наполняли живым содержанием общественную и духовную жизнь края, независимо от сложностей, которые переживала страна. Одной из заметных фигур не только провинциального Омска, но и в целом Российской науки начала XX века был Н.А. Сборовский. Выпускник Петербургского горного института, марксист с дореволюционным стажем революционной работы, талантливый организатор, автор многочисленных работ по переселению, колонизации и землепользованию в Степном крае, действительный член или учредитель многих научных обществ, собиратель книг и организатор музеев [Подробнее см.: 1, с. 6—11], он являлся одним из тех, чья деятельность определяла научный облик Сибири.

Будучи революционером-марксистом, Сборовский оставался убеждённым патриотом своей Родины, прививая любовь к ней своим ученикам. С 1927 г. он окончательно поселился в Омске, став сотрудником Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства,

позже — Сибирского сельскохозяйственного института, где с 1932 г. был директором его библиотеки. Прекрасный специалист в своей области, Сборовский был также увлечён историей собственной страны, края, где жил, вуза, в котором работал. Особый интерес представляют его взгляды на ключевые события отечественной истории, изменившие его собственную жизнь и жизнь всей страны. Они помогают иначе взглянуть на педагогов, воспитывавших первые поколения советских студентов, понять, во что верили они сами и чему пытались научить.

Преподаватель воспитывает, пытается привить близкие ему взгляды своим ученикам, независимо даже от того, какой предмет он ведёт. Своими оценками, трактовкой событий, он создаёт в сознании учащихся определённый устойчивый образ. При жизни Сборовского многие его работы не были опубликованы, в том числе о его взгляде на причины начала мировой войны в 1914 г. [Публикуются сегодня благодаря усилиям зав. музеем ОмГАУ им. П.А. Столыпина О.А. Милищенко.] Эта война была одной из тех проблем, которые разделили российское общество в начале XX века. Понимание её причин и значения стало лакмусовой бумажкой для российской интеллигенции. Вопреки официальным оценкам войны в Советской России как империалистической и несправедливой, для Сборовского интересы собственной страны были больше, чем потребности интернационализма.

Не будучи профессиональным историком, он много и усердно работал над изучением нужд экономической и административно-хозяйственной жизни региона, их эволюции и развития, неразрывно связывая их с жизнью всей России. Журналист и один из редакторов газеты «Степной край» до революции, а затем, в годы НЭПа, — журнала «Жизнь Сибири», Сборовский старался большое увидеть в малом. Как и большинство сибирских патриотов, он старался представить глобальные процессы, влияющие на жизнь общества. И всегда и везде приоритетом оставалась собственная страна, её интересы. Оглядываясь на прошлое в начале 1920-х годов, Сборовский представил Россию накануне Первой мировой войны успешно развивающейся без каких-либо серьёзных внешних и внутренних проблем иного, чем противоречия с Германией характера. Он будто забыл, что его собственное студенчество проходило с многократными перерывами вследствие арестов и высылки из столицы за агитацию и пропаганду среди рабочих и участие в политических манифестациях [1, с. 7—8].

Рассуждая о якобы причинах начала Германией войны именно в 1914 г., Сборовский с самого начала подводит читателя к мысли, что если бы не немцы, именно Россия стала бы мировым лидером, по крайней мере, одним из лидеров, не прибегая к военной силе. Это Германия осуществляла *Drang nach Osten*, а Россия только пыталась сдерживать агрессию. Балканский союз, а позже союз Румынии, Сербии и Греции представлены детищем России, не менее Германии стремившейся к господству, но без негативной оценки. Такая трактовка войны кажется типичной для интеллигенции, в принципе сходной даже с оценками П.Н. Милоюкова. Сборовский порой просто вторит своему идеологическому противнику — лидеру кадетской партии. Утверждая, что Россия никогда не стремилась распространить свою власть на территорию Балкан, Сборовский немедленно оговаривается: «...кроме стремления овладеть проливами, действительно ей необходимыми» [2].

В таком случае, война с Центральными державами кажется неизбежной. Мы успешно развивались, много всего производили, рос спрос на внутреннем рынке и влияние в мире, чего испугались наши враги, решившие нас уничтожить. Учёный прямо так и говорит об этом: «...Германии не могли не быть известны те планы расширения русской рельсовой сети, разговоры о которых шли давно, и которые получили свое окончательное выражение в плане железнодорожного строительства, разработанного в 1916 году..., а так же мощный толчок экономическому развитию всей страны; которые не могла не предвидеть Германия, учитывавшая мощные ресурсы, доселе еще втуне лежавшие, отечества нашего, — ясно станет, что Германия просто испугалась в непосредственно близком будущем грядущего развития экономической мощи своего восточного соседа...» [2].

Подобные рассуждения провинциальной и столичной интеллигенции начала XX века уже в советские годы вылились в пропагандистский штамп о пике могущества и процветания царской России в 1913 году, а сегодня — в причитания о «России которую мы потеряли». За всем этим стоит устойчивый образ внешнего врага, доставшийся от Первой мировой войны [Подробнее см.: 3, с. 257—263]. Антиномия «свой-чужой», характерная для идеологического противостояния и состояния войны, оказалась удивительно живучей и в послевоенные годы. И согласно законам формирования образа врага, каждая из сторон старается представить истинным виновником войны своего противника, а себя выставить невинной жертвой. Проблемы и недостатки своей страны исчезают, а всякий,

кто их видит, может быть заподозрен в предательстве, сотрудничестве с врагом. В XX веке мы воевали с немцами, значит Германия — просто агрессивное по природе, враждебное русским государство. Но это не значит, что врагов нет вовсе.

Сборовский уверен, что за некоторыми из мировых лидеров Германия уже не могла угнаться, в частности за США, намного опередившими её по производству чугуна. Отметив успешное развитие США, и так своеобразно объяснив, почему не с ними Германия соперничала, учёный не анализирует и англо-германских противоречий, почти забывает о Франции. Как марксисту, ему очевидна причина войны — неравномерность развития передовых европейских держав, но увидеть ответственность Антанты в развязывании войны он не хочет. Россия — участница враждебного Германии агрессивного блока, чего Сборовский тоже не замечает. Это очень типично для национальной интеллигенции, не расставшейся с обаянием патриотического подъёма начала мировой войны. Именно в 1914 году Германия начала её, конечно, из-за России, хотя и собиралась захватить территории от Южной и Центральной Америки до Гибралтара и Месопотамии.

Безусловно, упрощённый взгляд на прошлое характерен не только для сочинений непрофессиональных любителей истории. Он не более тенденциозен, чем штамп советской историографии — равная ответственность всех стран, в том числе России, в Первой мировой войне. Важно другое: отсутствие замкнутости на региональных проблемах и узкопрофессиональных интересах со стороны сибирской интеллигенции. А упрощение лишь помогает увидеть главное. Важно также несоответствие популярному, ненаучному штампу о непатриотичности революционной, большевистской интеллигенции. Н.А. Сборовский — яркий пример учёного, педагога, ставившего выше всего преданность национальным интересам России, всегда отдававшего приоритет потребностям собственной страны перед интересами и правами других враждебных ей государств. Плохо лишь, что Сборовский боится внятно заявить об агрессивности России, её праве на эту агрессивность в борьбе за собственное существование.

Здесь нет противоречия. Именно большевики — интернационалисты в начале прошлого века оказались единственной силой, сумевшей отстоять целостность России и сохранить её государственность. Именно такие люди как Сборовский, долгие годы боровшиеся с царским режимом, предававшим интересы собственного народа, были подлинными его патриотами. Патриотизм, конечно, может быть последним прибежищем негодяев, но вполне в духе того

же Самуэля Джонсона понимание и того, что для истинного патриота публичное поведение определяется одним мотивом — любовью к своей стране. Не прикрываться патриотизмом и национальными интересами, стыдливо оправдываясь, а честно признать, что потребности России превыше всего — в этом настоящее достоинство и смелость.

Список литературы:

1. Милищенко О.А. Н.А. Сборовский: вехи биографии // История, источниковедение и историография общественно-политической жизни Сибири новейшего времени: сб. статей и мат-лов к международной конф. Вып. IV. (Памяти Н.А. Сборовского. К 15-летию гуманитарного факультета ОмГАУ). Омск: ИПК Макшеевой Е.А.: 2010. — 140 с.
2. Сборовский Н.А. Почему Германия начала Европейскую войну в 1914 году, а не позже? Чего она могла опасаться в будущем? // Огни Сibaки, 5 марта 2012.
3. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. — 383 с.

ПРОТЕСТАНТИЗМ В РОССИИ. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ «ВИЗАНТИЗМА» И «ЕВАНГЕЛИЗМА»

Татьяна Елена Валентиновна

*аспирант 1 курса Российского государственного университета,
направление подготовки Отечественная история,*

РФ, г. Москва

E-mail: l-nuska@mail.ru

PROTESTANTISM IN RUSSIA. OPPOSITION OF “BYZANTISM” AND “EVANGELISM”

Elena Tatiyeva

*1-year post-graduate student, Russian State University,
Major in National History,
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

Вопрос о влиянии религии на современное общество остается одним из самых острых. На постсоветском пространстве активно начали развиваться протестантские церкви, что вызывает массу вопросов. Действительно ли эти течения чужды нашей стране и, какое место они занимают в современном обществе. Цель данной статьи ответить на эти дискуссионные вопросы.

ABSTRACT

The question about the influence of religion on contemporary society remains one of the most burning. Protestant churches began to develop actively at the former Soviet Union that caused a lot of questions. Are these trends unfamiliar to our country and what place do they occupy in modern society? The purpose of this article is to answer these debating questions.

Ключевые слова: протестантизм, евангелизм, византизм, конфессии.

Keywords: Protestantism; Evangelism; Byzantism; confessions.

Современные тенденции распространения глобализации зачастую приводят к размыванию национальной специфики общества. Применительно к нашей стране поиск собственного исторического пути России продолжается до сих пор. На сегодняшний день достаточно точно прослеживается картина существования стереотипных представлений о том или ином явлении, в том числе и по вопросам религии. Очевидно, что в ближайшем будущем многие из стереотипов постепенно уйдут в прошлое. Тем не менее, на сегодняшний день еще остались темные пятна, связанные с вопросами вероисповедания. Вопрос о существовании в России протестантских евангельских церквей вызывает много споров, поскольку для нашей страны протестантизм всегда был чем-то западным, отстоящим далеко от нас. Сам термин протестантизм в течение длительного времени применялся исключительно к европейским или американским евангельским церквям. А применительно к России использовался другой термин: «религиозное сектантство» [2]. Эти советские стереотипы касающиеся «сектантов» и «сектантской угрозы» довольно легко переключались в лексикон православных авторов и журналистов. Это было связано с распространением в России иностранной литературы, проповедями на стадионах Билли Грэма, Ульфа Экмана, Карла Густава Северина и многих других иностранных проповедников. И потом уже мало кого интересовало, что западная поддержка церквей в России заключалась чаще всего в гуманитарной помощи.

Другой причиной можно назвать стереотип, который заключается в том, что якобы протестантизм 1990-х, это абсолютно новое явление. Но принципиального отличия от протестантов советского времени и нашими современниками нет. Только благодаря определенной свободе вероисповедания часть накопленного в советский период потенциала, реализовалось и стало движением широкого масштаба. Молодежь стала получать высшее образование, церкви стали сотрудничать с государственной властью и, как следствие, влияние таких церквей усилилось.

Современные протестанты участвуют в общественной жизни, занимают активную гражданскую позицию, поддерживают традиционные семейные ценности, ведут и пропагандируют здоровый образ жизни. И даже при таких достоинствах, зачастую встречают негативную реакцию со стороны общества.

Поэтому вопрос о роли месте неортодоксальных конфессий приобрел большое значение. Для поиска причин необходимо проследить развитие христианства в целом на нашей территории.

Христианство на Руси появилось задолго до Владимира и появления самого государства. Существует версия, по которой история христианства уходит своими корнями в эпоху первых апостолов и связана с именем епископа Климента, ученика и соратника апостола Петра. В тот момент христиане находились в гонениях и Климента отправили в ссылку в Херсонес [1, с. 18—19]. Климент нашел там более двух тысяч христиан, приговоренных к каторжным работам. Постепенно в Херсонесе стало появляться множество церквей, что вызвало недовольство императора Траяна, и он обрушил новые гонения.

Если говорить о появлении христианства как официальной религии, то в современной историографии главенствует мнение, по которому Владимиру необходимо было политическое и духовное объединение покоренных народов. Европейские правители подавали пример, как лучше поступить в подобной ситуации. Важнейший шаг в этом направлении должно было стать единобожие. Но крещение Руси стало не просто переменой веры. Оно открыло возможность для дальнейшего диалога с европейскими государствами, проникла новая культура с древней традицией, возник новый социальный институт — церковь.

Разделение Церкви на Западную и Восточную произошло лишь в 1054 году. Русская церковь стала частью Восточной византийской православной церкви. Именно православие получило у нас свое распространение. Постепенно оно приобрело статус института

и в значительной степени обслуживало нужды государства. Православие стало символом русской культуры, опорой государственной власти и государственной религией. Поэтому и на сегодняшний день Русская Православная Церковь занимает лидирующую позицию.

В обывательских кругах, очень часто бытует мнение, по которому протестантские церкви или секты, как часто их называют, появились в России после распада Советского Союза. И что появившаяся вседозволенность и стала причиной распространения этого явления. Но протестантизм в России появился почти одновременно с Германией. Еще при Иване Грозном возникла лютеранская община. Но очень долгое время представители этой ветви христианства были выходцами из Европы. Лишь к концу XIX века среди протестантов в России появились коренные жители, не всегда русские по национальности. Протестантизм в России прошел целый путь развития и в 90-е гг., когда началось своего рода возрождение в духовной сфере общества, началось богоискательство, он достиг пика своего распространения. Протестантское сообщество по своему составу неоднородно. В него входят как традиционные направления — лютеране и англикане, так и появившиеся в более поздний период баптисты, пятидесятники, адвентисты. По мнению Владислава Бачинина в русской культуре изначально присутствовал дуализм: «византизм» (бездуховность и лицемерие церкви) и «евангелизм» (стремление к самостоятельному поиску живого Бога) [1, с. 266]. Византийская традиция вступила в противоборство с евангельской, и это противодействие, продолжавшееся уже не одно столетие, вновь обрело силу. В русской религиозной философии понятием «византизм» обозначался обширный культурно-исторический комплекс религиозных, государственно-политических, философско-нравственных идей, которые восходят к византийской цивилизации. Дискуссии по теме византизма начались в XIX веке в связи с развернувшимся противостоянием славянофилов и западников. Существует множество концепций понимания византизма. К.Н. Леонтьев рассматривал византизм как основу нашей государственности, быта, религиозности [3]. По его мнению, христианство в России без византизма существовать не может. Совершенно другое отношение к византизму у Вл. Соловьева. Он сетует на те духовные утраты, которые Россия понесла и несет из-за своей приверженности к византизму. Для него византизм — это неспособность применения христианской идеи, замена ее обрядами и умственным признанием. В византизме умерла идея христианского царства, опущенная до языческой государственности [5, с. 21—42]. Византизм воспринимается как традиционное общество, для которого

характерно господство консервативность и закрытость общественной психологии, жесткая иерархичность общества, отсутствие духовной свободы, высокий статус ценностей корпоративной морали и низкая социальная оценка попыток обретения личностной автономии.

Совершенно другой путь был у евангелизма. Евангелизм в России явление совершенно не новое, корнями уходящее в нашу историю. Вообще все чужеродное на нашей почве приживается достаточно проблематично и ненадолго, например идеи К. Маркса. Дух богоискательства всегда был силен в русском человеке и евангелизм, как нельзя кстати, характеризует это явление. К характерным чертам евангелизма относят: ориентацию на поиск живого Бога, неприятие ритуально-обрядового формализма, интерес к текстам Священного Писания [1, с. 288].

Исторические формы евангелизма разнообразны. Самыми первыми движениями до церковного раскола являются стригильники и «жидовствующие», далее идут движения, возникшие после раскола XVII в.: духоборы и молокане, и наконец третья волна евангелизма, результат переплетения западного протестантизма и течений, не относящихся к православию. Реформация заложила основы совершенно особого отношения верующих к тексту Библии. Мартин Лютер выдвинул три основополагающих принципа: спасение только верой, священство всех верующих и исключительный авторитет Священного Писания. Человек теперь не нуждался в посреднике, мог самостоятельно изучать Библию, что вело к развитию индивидуализма и личной свободы [4].

Евангелизм создал контркультуру внутри единого христианского пространства, оппозиционную по отношению к византизму. Византизм опирался на жесткую государственную машину, евангелизм противостоял ему, равно как авторитаризм противостоит гражданскому обществу. Основная причина негативного отношения к евангельским движениям государственной власти и официальной церкви состояла главным образом из стремления подавить индивидуальное начало, столь не характерное для ортодоксального учения. Это неприятие нарисовало образ протестанта, как оппозиционера государственной власти, а зачастую и предателя Родины. Поэтому изначальные отношения между евангелизмом и византизмом, это отношения противостояния. Возможность построения принципиально других отношений на данный момент активно обсуждается. Большой шаг в этом направлении делают сами евангельские церкви, пытаясь построить диалог на схожести учения, и не концентрироваться на различиях. Это дало бы возможность

взаимодополняемости усилий, для объединения потенциалов для борьбы с назревшими социальными проблемами общества.

Список литературы:

1. Бачинин В.А. Византизм и евангелизм: генеалогия русского протестантизма: очерки исторической социологии религиозно-гражданской жизни. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2003. — 366 с.
2. Клибанов А.И. Религиозное сектанство в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1973. — 256 с.
3. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. //Византизм и славянство. Великий спор. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. — 736 с.
4. Лютер М. Избранные произведения. СПб.: Андреев и Согласие, 1994. — 430 с.
5. Соловьев В.С. О расколе в русском народе и обществе // О христианском единстве. М.: Рудомино, 1994. — С. 21—42.

4.2. ЭТНОЛОГИЯ

КРЕЩЕНИЕ КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ ОБРЯДОВ РОДИЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ УКРАИНСКОГО И ВОСТОЧНО-РОМАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БУКОВИНЫ

Парайко Кристина Васильевна

*аспирант кафедры этнологии, античной и средневековой истории
Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича,*

Украина, г. Черновцы

E-mail: Parajko1989@gmail.com

BAPTISM AS ONE OF THE MAIN RITUALS AND BIRTHING RITUALS UKRAINIAN POPULATION AND EASTERN ROMAN POPULATION OF BUKOVINA

Christina Parayko

*postgraduate student of ethnology, ancient and medieval history
of Chernivtsi University of Yuriy Fedkovich,*

Ukraine, Chernivtsi

АННОТАЦИЯ

Крестины остаются одним из основных этапов родильной обрядности украинского и восточно-романского населения Буковины. Данное исследование охватывает период второй половины XIX в. — середину XX в. В статье мы постарались определить особенности функционирования комплекса обычаев и ритуалов во время крещения у украинцев, румын и молдаван Буковины. В процессе длительного совместного проживания на одной территории, в равных социально-экономических условиях, общее православное вероисповедание способствовало формированию комплекса общих обычаев и ритуалов в родильной обрядности указанных этносов.

ABSTRACT

Christening remain one of the main stages of birthing rituals of Ukrainian population and eastern roman population of Bukovina. This

study covers the period of the second half of the XIX century — the middle of the XX century. In this article we have tried to identify the peculiarities of the complex customs and rituals during the baptism in the Ukrainians, Romanians and Moldovans of Bukovina. During long-term cohabitation in the same area, equal social and economic conditions, the general Orthodox religion contributed to the formation of a set of common practices and rituals in the delivery of these rituals ethnic groups.

Ключевые слова: этнос; крещение; Буковина; повивальная бабка; родильная обрядность.

Keywords: ethnos; baptism; Bukovina; midwife; maternity ritualism.

Основу обычаев и обрядов, связанных с празднованием в честь новорожденного, составляли народные традиции признания его членом семьи. Обычай приобщения новорожденного к обществу был одним из важнейших событий родильной обрядности, которое нередко совмещало несколько действий: посещение роженицы, которое на Буковине, как и на территории всей Украины, называется «родыны»; крещение; имянаречение.

Крещение каждого ребенка и присвоение ему христианского имени как символа очищения и принятия в члены семьи и в лоно церкви было жизненной необходимостью. Церковно-календарные имена утверждались в народном быту. В сознании народа постепенно укладывалась вера в родство между святым и человеком, который носит его имя, вера в то, что святой становится его небесным опекуном и наставником на всю жизнь, и за это своего патрона необходимо уважать.

На 3 день после родов и в течение нескольких недель (до обряда крещения) происходило чествование новорожденного повивальной бабкой, родственниками, соседями. Преимущественно приходили женщины и дети, мужчины не приходили. Идти с пустыми руками было неприемлемым. Гости приносили подарки, ткани, крупы, муку, сахар, деньги, игрушки. Эти дары ставили в колыбель, причем говорили: «От меня мало, от Бога много», «Ешь, чтобы быстрее выздоровела, силу имела, молоко прибывало, с ходу вставала» (Сторожинец, Каменная, Мамалыга). Блюда готовились не праздничные, а обычные. Гостей угощали галушками (găluște), кукурузным мэлаем (mălai de părușoi), вареными сливами (friptură cu perețe (prune). Запрещалось приходить на «родыны» больным и немощным [8].

Считается, что принесение пищи во время этого обряда свидетельствует о пережитках растительной жертвы богам в честь

рождения ребенка по древним дохристианским верованиям украинцев [7, с. 268]. У восточно-романского населения Буковины «родыны» (“rodine”) происходили после принятия роженицей первой молитвы (вывода) [8].

Большой семейной торжественностью отмечены крестины. В комментариях византийских богословов крещение рассматривалось как «новое рождение», поскольку рожденный в грехе человек в купели крещения ритуально умирает и рождается вновь, чтобы начать новую и вечную жизнь во Христе. Крещение состоит из нескольких обрядов, а именно: освобождение от пут сатаны путем экзорцизу (повернувшись лицом на запад, неофит или его крестные отказываются сатаны, осуществляя символическое действие и плюют на него), миропомазание, трехкратное погружения в купель, облачение в белую одежду, возложение на грудь креста, хождения вокруг купели и пострижение волос [11, с. 47].

В церковном обряде крещения на первый план выступают крестные родители, роли которых придавали особое значение. Ребенка крестили не родители, а люди, которые после обряда становились крестными родителями для него, а для его родителей — кумовьями [3, с. 33]. У македонцев крестные отец и мать считаются родными «по крови». У румын кумовья считались вторыми родителями ребенка и, в случае ее сиротства, обязаны были заботиться о нем [6, с. 17].

С большой радостью идут в крестные родители к внебрачному ребенку — «байстрюку» (незаконнорожденному). По поверью, после крещения такого ребенка, у кума будет вестись скот и деньги. В кумовья выбирали обычно людей с хорошими чертами характера, так как считается, что они переходят на ребенка. Считают, что нельзя брать вдовцов, беременных, больных. Для украинских сел Сторожинецкого района характерно участие в данном выборе и повивальной бабки («моша», “moşa”) — она давала советы, к которым обязательно прислушивались [8].

Приглашал к кумовству отец, а иногда и мать, брали с собой пирожки, бутылку водки, соль. Существуют даже некоторые региональные особенности упрашивания кумовьев: «Просыла ваша майбутня фина (крестница), мама и тато, щоб вы прыйшли до нашої дытыны в кумы» (с. Малятинцы, Кицманьского района), «Прошу вас питы до мэнэ в кумы» (с. Ливинци, Кицманьского района) [8].

Число крестных родителей может быть совершенно разным — от 1 и до 15 пар. У других народов их число значительно отличается. Опасались, чтобы теща с зятем или свекровь с невесткой не были

кумовьями, так как это считается грехом [4, с. 44]. Большое количество кумовьев можно объяснить тем, что считалось, что от судьбы кумовьев зависела и судьба ребенка [3, с. 14].

Хорошая примета, если у девушки первым крестником будет мальчик, а у парня — девочка. Иначе говорится, что крестник «ворует счастье» у крестных (это подтверждают респонденты не только Черновицкой, но и Ивано-Франковской и Львовской областей). Отказываться от приглашения на крестины или от кумовства считалось большим грехом. Окрестить ребенка стремились до сорокового дня после рождения. Но если ребенок был болезненным, не затягивали с крещением. Пока ребенок не крещен, у него всю ночь должен гореть свет (свеча), иначе злые духи могли бы приблизиться к ребенку и нанести ему вред [5, с. 43—44]. На современном этапе детей крестят до 1—2 месяцев.

Обязательными атрибутами крестного обряда являются кумовские свечи и «крыжма» — кусок белого полотна, покрывало или скатерть и крестная свеча. Из крыжмы в будущем мама изготовит для ребенка первую распашонку, которую можно будет одеть только после крещения, а до крещения можно было только пеленать ребенка (Несвоя, Старый Волчинец, Черновка).

Крыжму обвивают вокруг свечи и обвязывают лентой (для мальчика — синяя или голубая, а для девочки — красная или розовая) и украшают цветами базилику, листочками барвинка (Бабаине, Берегомет, Молодия, Магала, Бояны, Сторожинец, Спасская, Чудей, Красноильск) [8].

Для крещения берут воду на рассвете до восхода солнца (украинцы такую воду называют — «непочата вода») от природного источника или из колодца. Перед крещением воду подогревают и добавляют в нее немного святой (иорданской) воды (Куликовка). Существовали случаи, когда новорожденного ребенка крестила повитуха. Это делали в случае угрозы жизни ребенка. Киевская исследовательница О. Боряк отмечает, что православная церковь признавала это крещение. Когда ребенка заносили в церковь, батюшка спрашивал: «Чи хрестыла бабка з воды?» — Тогда он читает только молитву [1, с. 447].

Известны случаи, когда повивальная бабка крестила младенца еще до его физического рождения, чтобы «легко нашлось»: «три раза перекрещивает крестом брюхо» и кропит святой водой и приговаривает: «Родится мальчик — будет Иван, девушка — будет Мария». Если ребенок родился здоровый, ему могли дать любое имя.

Но считалось, что такой ребенок уже «получил крест», и в случае смерти его хоронили как уже окрещенного, по общим правилам [2, с. 207].

После крестин в церкви, происходило семейное торжество — крестильное застолье. Кумовья и соседи собирались дома у новорожденного за праздничный стол. Обычно приглашенные приносили деньги, полотно, крупу, муку, курицу и другие продукты. Например, у румын и молдаван Буковины существовал обычай одаривания крестника платком, детской одеждой и деньгами, а родители ребенка взамен давали крестным родителям калач, при этом говоря: «Калачи ваши, а ребенок наш». Респонденты с. Мамалыга отмечают, что кроме продуктов обязательно на крестины приносили кусок материала — «рукав рубашки» [8].

Кроме этого, почти повсеместно обязательной была каша (видимо, остаток древних пожертвований в виде зерновых). В некоторых селах зафиксированы интересные обрядовые действия с кашей: у румын с. Старые Бросковцы моаша раздавала каждому присутствующему гречневую кашу [8]. В равнинной зоне Буковины в XIX — начале XX в. существовал обычай готовить кашу из пшеницы в керамическом горшке. Перед началом застолья кумовья «выкупали» у родителей крестника горшок с пшеницей (по приготовлению «бабья каша» похожа на рождественскую кутью). Каждый из кумовьев подходил к столу, клал какой-то подарок или деньги, пробовал три ложки пшеницы. После этого «выкупа» старший кум или тот из кумовьев, кто сделал самый дорогой подарок или подарил самую большую сумму денег, брал горшок с остатками блюда в руки и разбивал об пол.

Каждый кум брал с собой по кусочку разбитого горшка и хранил его за иконой. Этот черепок напоминал крестным родителям об определенных обязанностях перед крестником (фином), символизировал связь между кумовьями и крестником. Традиция хранения обожженных огнем как при изготовлении посуды, так и во время приготовления блюда остатков ритуальной керамики имеет дохристианское происхождение. Она встречается в семейной обрядности от рождения ребенка и до самой смерти человека [5, с. 53].

Собранные в XIX—XX вв. этнографические материалы об обычаях и обрядах, связанных с рождением ребенка, доносят до нас богатые архаичные элементы и разнообразие их локальных вариантов. Они не всегда осмысливались согласно первоначальной магически-символической значимости. Однако хранились сравнительно устойчиво, поскольку народная традиция объединяла их с жизненно важной функциональностью — успешным рождением, здоровьем

матери и ребенка, благополучием и счастьем новорожденного. Это основные мотивы всего комплекса народных обычаев и обрядов, их рациональных и магически-иллюзорных, суеверных элементов.

Список литературы:

1. Боряк О. Сільська баба-повитуха в статусі родопомічниці (Нові матеріали з історії народного акушерства в Україні) / О. Боряк // Вісник Львівського університету: Серія історична. Львів, — 2000. — Вип. 35—36. — С. 441—455.
2. Казимир Е. Из свадебных и родильных обычаев Хотинского уезда Бессарабской губернии / Е. Казимир // Этнографическое обозрение. — 1907. — № 1/2. — С. 207.
3. Кайндль Р.Ф. Гуцули: їхнє життя, звичаї та народні перекази. 2-е вид., виправлен і доп./ Пер. з німец. З. Пенюк; наук. Редагування і післямова О. Масана. Чернівці: «Молодий буковинець», 2003. — 200 с.
4. Кайндль Р., Манастирський О. Русини на Буковині / Переклад з нім. В. Іванюка, післямова М.К. Чучка / Р.Ф. Кайндль, О. Манастирський. Чернівці: Зелена Буковина, 2007. — 192 с.
5. Кожолянюк Г.К. Етнографія Буковини / Г.К. Кожолянюк. Чернівці: Золоті литаври, — 2001. — Т. 2. — 424 с.
6. Маковій Г. Золоте віно з бабусиної скрині / Г. Маковій. Чернівці, 1993. — 104 с.
7. Малинка А. Родины и крестины/А.Малинка //Киевская старина. 1898. № 5.
8. Матеріали полевих етнографічних експедицій, зібрані автором на території Черновицької області (Україна) в течение 2010—2014 гг. Ответы на анкеты хранятся в этнографическом музее Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича.
9. Толстой Н.И. Фрагмент славянского язычества: архаический ритуал-диалог / Н. Толстой // Славянский и балканский фольклор: Этногенез, общность и типол. параллели. Сб. ст. М.: Наука, 1984. — С. 5—72.
10. Трумко Д. Роль кумів у родильній обрядовості /Д. Трумко // Народознавчі зошити. — № 2 (98). — 2011. — С. 332—337.
11. Чучко М.К. Церковні таїнства та обряди життєвого циклу в середовищі українського і східнороманського населення Буковини XV — початку XX ст. / М. Чучко // Матеріали до української етнології: Зб. наук. пр. К.: ІМФЕ ім. М.Т. Рильського НАН України, — 2008. — Вип. 7(10). — С. 47—56.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ**

Сборник статей по материалам
XLVIII международной научно-практической конференции

№ 4 (45)
Апрель 2015 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 29.04.15. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 5,25. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630099, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 16, офис 807
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3